

Ку́ников Цэза́рь Льво́вич

Цэза́рь Льво́вич Ку́ников (23 июня 1909, Ростов-на-Дону - 14 февраля 1943, Геленджик) — советский офицер, командир десантного отряда, захватившего плацдарм «Малая земля», Герой Советского Союза.

Биография

Родился в Ростове-на-Дону в еврейской семье. Отец — Лев Моисеевич Куников, работал инженером-машиностроителем; мать — Татьяна Абрамовна Хейфиц (1875—1957), была домохозяйкой. Сестра - театровед Елена Львовна Финкельштейн (1906 - 1971), жена театрального педагога Владимира Львовича Финкельштейна.

В 1918 году семья, вслед за отступающей Красной армией, переехала из Ростова в Ессентуки, а в 1920 году в Баку. Вместе с Львом Моисеевичем Куниковым юный Цезарь побывал в Персии. В 1924 году отец с сыном поехал восстанавливать доменное производство в Макеевку. Здесь юноша начал трудиться на металлургическом заводе «Унион»-«Югосталь»: учеником лаборанта, лаборантом, слесарем, токарем.

Весной 1925 года вступил в комсомол. В конце 1925 года вся семья Куниковых переехала в Москву. Здесь он работал слесарем на фабрике «Союз», затем токарем на тормозном заводе. В 1928 году Ц. Л. Куников поступил в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. После пяти месяцев учебы тяжело заболел и был отчислен из училища. После выздоровления служил срочную механиком на флоте. В 1930 году вернулся в Москву. В 1931 году поступил в МВТУ имени Баумана. С 1932 года - заведующий сектором оборонной промышленности Московского комитета комсомола. Окончил Московскую промышленную академию и Московский машиностроительный институт им. Бубнова. Получив два диплома: инженера-организатора машиностроительного производства и технолога-механика, 26-летний Цезарь Львович пришёл на Московский завод шлифовальных станков. Начав с самой нижней ступеньки - мастером токарного отделения, уже в марте 1938 года Цезарь был назначен главным технологом завода. С октября того же года - начальник технического управления Наркомата машиностроения, Наркомата тяжёлого машиностроения, директор ЦНИИ технологии машиностроения, ответственный редактор всесоюзной газеты «Машиностроение». Он был награжден медалью «За трудовое отличие».

С началом Великой Отечественной войны старший политрук запаса Куников вступил добровольцем в армию. Добился перевода в ВМФ в сентябре 1941 года. Командиром 14-го отряда водного заграждения Азовской флотилии (впоследствии 13-й отряд сторожевых катеров) воевал у Таганрога и Мариуполя. В качестве комбата морской пехоты активно принимал участие в обороне Темрюка, Керчи. В дальнейшем командовал 305-м отдельным батальоном морской пехоты в составе Черноморской группы войск.

По плану проведения операции «Море», для отвлечения сил противника, в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года десантный отряд моряков-добровольцев (275 человек) под командованием майора Ц. Л. Куникова с минимальными потерями (трое раненых, один убитый) высадился на занятом врагом, хорошо укрепленном побережье в районе Новороссийска, у пос. Станичка (м.Мысхако «Малая земля»). Стремительным ударом десантный отряд выбил немцев из опорного пункта и прочно закрепился на захваченном плацдарме. На рассвете разгорелся ожесточенный бой. Десантники в течение суток отразили 18 атак противника. К концу дня боеприпасы были на исходе. Положение казалось безвыходным. Тогда отряд майора Куникова совершил внезапный налет на артиллерийскую батарею противника. Истребив оружейный расчет и захватив орудия, они открыли из них огонь по атакующим вражеским солдатам. Ввиду неудачной высадки главных сил десанта, плацдарм, занятый подразделением Ц. Л. Куникова стал из отвлекающего - основным. Семь дней десантники отбивали яростные атаки врага. Удерживая освобожденную территорию до подхода основных сил, моряки выбивали (зачищали) противника из многоэтажных зданий. Впервые в практике подразделений российской морской пехоты Ц. Л. Куников провел практическое обучение личного состава технике высадки на берег в ночное время в зимних условиях, владения холодным оружием, стрелковым и артиллерийским вооружением противника.

В ночь на 12 февраля 1943 года Ц. Л. Куников был смертельно ранен взрывом «шальной» мины на Малой земле, эвакуирован в Геленджик, и там 14 февраля 1943 года скончался от ран. Похоронен в г. Геленджик на городском кладбище, по окончании войны прах перезахоронен на площади Героев в Новороссийске.

За мужество и отвагу Куникову Цезарю Львовичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

У него остался сын - Юрий (род. 1936).

Награды

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года за блестящее руководство десантной операцией и проявленные при этом мужество и отвагу майору Куникову Цезарю Львовичу *посмертно* присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждён орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Александра Невского, медалями.

Память

Конверт Почты России, посвященный Ц. Л. Куникову

Могила Ц. Л. Куникова на площади Героев в Новороссийске

- Советский писатель Л. Соболев, будучи фронтовым корреспондентом «Красной звезды», встречался с Куниковым и описал это в своих очерках.
- О Цезаре Львовиче писатель Петр Межирицкий написал книгу «Товарищ майор».
- Д. Файнштейн и А. Хирикилис (ординарец Куникова) написали книгу воспоминаний «Вместе с Цезарем».
- Майор Ц. Л. Куников упоминается в книге Л. И. Брежнева «Малая земля».
- Куников навечно зачислен в списки 557-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота.
- Бюст Ц. Л. Куникова установлен в Азове и в бухте Казачьей, город Севастополь.
- Памятник на трассе М-23 Ростов-на-Дону—Таганрог (у села Синявское).

- Его именем названы: улицы в Ростове-на-Дону, Азове, Геленджике и Новороссийске, площадь в Москве, большой десантный корабль Черноморского флота ВМФ России, гимназия № 2 Новороссийска, школа №6 города Туапсе, школа №8 города Геленджика, малая планета 2280 Kunikov.
- Почта России выпустила памятный конверт, посвящённый Ц.Л. Куникову.
- История Ц.Л. Куникова легла в основу серии «Новороссийск» из 13-серийного документально-игрового фильма «Города-Герои» (2010, телекомпания ОНТ, Беларусь)
- Упоминается в рассказе Анатолия Маркуши «Земля Цезаря».
- Мемориальная доска установлена на Московском тормозном заводе.

Источники

- Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениз.- 1987.
- Л.И.Брежнев, «Малая земля».

К 100-летию со дня рождения героя Малой земли (1909-1943)

Природа одарила этого человека незаурядным умом и огромной энергией, а судьба отвела ему всего 33 года – возраст Христа. От отца, ростовского инженера Льва Моисеевича Куникова он унаследовал любовь к технике, а от матери, красавицы Татьяны Хейфиц, пожалуй, только упрямство. Свой трудовой путь 15-летний Цезарь начал слесарем в Макеевке, затем освоил профессию токаря в Москве. В 30-е годы учился в Промышленной академии и в Московском машиностроительном институте. В 29 лет инженер Куников – главный технолог завода шлифовальных станков, в 30 – начальник технического управления наркомата, затем директор ЦНИИ технологии машиностроения, ответственный редактор отраслевой газеты... В 1939 г. его представили к награждению орденом Ленина, а получил он... медаль «За трудовое отличие».

В начале войны старший политрук запаса Куников добился зачисления в Военно-морской флот. Моряком Цезарь мечтал стать еще в юности и даже поступил в 1928 г. в ВВМУ им. Фрунзе, но учебе помешала операция аппендицита.

Адмирал Холостяков и майор Куников

На февраль 1943 г. советское командование запланировало начало операции по освобождению Новороссийска. Предполагалось высадить крупный морской десант в районе Южной Озерейки и одновременно – отвлекающий (демонстративный) десант в Цемесской бухте, у поселка Станичка. В конце декабря 1942 г. к командующему Черноморской группой войск генерал-лейтенанту И.Е. Петрову прибыл корреспондент «Правды». Журналист вспоминал: «Генерал Петров сказал мне, щуря из-под пенсне добрые серые глаза: «Съездите-ка, батенька, под Геленджик к Куникову. Отменный командир и хороший воин. Корреспонденту «Правды» с ним надо непременно познакомиться...»

В эти дни командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г.Н. Холостяков решал, кого назначить командиром демонстративного десанта. На примете у Георгия Никитича было несколько офицеров, он вызывал их и каждому предлагал: «Изложите ваши соображения об организации десантного броска в Цемесскую бухту». Победил в этом «конкурсе» командир 305-го отдельного отряда морской пехоты майор Цезарь Куников. Осенью 1941г. Куников был назначен командиром отряда водных заграждений. Легкие катера отряда выходили из устья Дона в Азовское море до Мариуполя, минировали вход в Таганрогский залив, нанесли удар по группировке гитлеровцев западнее Таганрога. За эти бои Цезарь Львович был награжден орденом Красного Знамени. В августе 1942 г. в тяжелых оборонительных боях на Таманском полуострове Куников

командует батальоном морской пехоты. В 15 км от военно-морской базы Темрюк батальон отразил мощные атаки гитлеровцев. За оборону Темрюка Цезарь Львович был удостоен ордена Александра Невского. Адмирал Холостяков вспоминал о нем в своих мемуарах: «Мне было известно, что командир он некадровый, по образованию инженер. Однако при общении с ним это как-то забывалось: майор производил впечатление именно кадрового военного, на вопросы отвечал спокойно и немногословно, очень ясно выражая каждую мысль. В нем чувствовались ум, воля, жизненный опыт». До высадки в Цемесской бухте оставалось 25 дней, и Цезарь Львович немедленно приступил к формированию десантного отряда из добровольцев с боевым опытом – с каждым он доверительно беседовал. Через неделю отряд уже насчитывал 272 десантника, среди них было много матросов – участников обороны Севастополя и Одессы. Позже пост начальника штаба многонационального отряда занял опытный офицер-грек Федор Котанов, а замполитом стал русский Николай Старшинов – оба в будущем Герои Советского Союза. Под руководством своего командира бойцы осваивали владение всеми видами оружия, включая трофейное, приемы самбо, стрельбу в темноте по звуку, метание кинжалов... И всеми этими навыками Куников владел отлично. Адмирал Холостяков часто присутствовал на учениях и наблюдал, как метко он кидает кинжал. Тренировки продолжались с утра до позднего вечера, были произведены три учебные ночные высадки на крутой берег. Бойцы прониклись безграничным доверием к своему командиру, и накануне высадки каждый из них подписал текст зачитанной им клятвы. Перед выходом из Геленджика семи катеров в штормящее море адмирал Холостяков обнял Куникова...

На Малой земле

Для немцев десант в Цемесской бухте оказался полной неожиданностью. Куников отправил намеренно открытым текстом радиограмму: «Полк высадился без потерь, продвигаемся вперед».

Из наградного листа:

«В ночь с 3.2.43 на 4.2.43 г. десантный отряд высадился на побережье, занятое и укрепленное множеством ДЗОТов и ДОТов и огневыми точками противника. Смелым ударом отряд выбил немцев из опорного пункта и прочно закрепился. С наступлением рассвета отряд пошел в наступление, отбил у врага 3 км железнодорожного полотна и несколько кварталов пос. Станичка. В дальнейшем отразил 18 жестоких атак, тем самым обеспечил плацдарм для развития успеха.

В момент, когда в отряде боезапас был на исходе, майор КУНИКОВ, отбив у противника артбатарею и истребив прислугу, повернул против немцев немецкие пушки, разгромил их боевые порядки и живую силу.

Отряд майора КУНИКОВА с 4.2.43 по 10.2.43 г. в ожесточенных боях удержал занятый район до подхода основных сил... Сам майор КУНИКОВ во

время боев был с авангардом, появлялся там, где было наиболее напряженно, и своею храбростью увлекал весь отряд...»

Тем временем основной десант в Южной Озерейке потерпел неудачу и был прекращен, и с этого момента демонстративный десант стал основным. В те дни захваченный им плацдарм стали называть «Малая земля».

В ночь на 12 февраля Куников принимал грузы на причале и был тяжело ранен осколком мины. Его доставили на катере в Геленджик и срочно прооперировали, но 14 февраля Цезарь Львович скончался. В похоронах приняли участие около семи тысяч человек... 17 апреля Куникову было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Федор Котанов: «Куников ведь еврей»

Эти слова о своем командире сказал автору бывший начальник штаба отряда. Да, именно «ведь». Во всех личных и служебных документах Куников значился евреем, но в наградном листе, подписанном Г.Н. Холостяковым и И.Е. Петровым, его представили русским – очевидно, по согласованию с ними. Эта неверная запись, сделанная из лучших побуждений, позже много лет воспроизводилась в печати. Впервые Куников был назван русским в 1958 г. в сборнике «Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны», а затем и в других изданиях. По этой причине даже редактор еврейского журнала «Советиш Геймланд» Арон Вергелис не принимал статьи о Куникове. К 25-летию Победы в журнале предполагалась публикация списка Героев Советского Союза, и московский еврейский историк Абрам Приблуда поручил автору этих строк найти и скопировать документы Куникова, содержащие «пятую графу».

С письмом редакции я направился в Центральный военно-морской музей, но там, кроме фронтовых фотографий Куникова и телефона его двоюродной сестры, ничего нужного не нашел. Виктория Владимировна Компанеец любезно согласилась принять меня для беседы, но документов брата у нее не оказалось, и она посоветовала позвонить или написать старшей сестре Куникова, специалисту по французскому театру Елене Львовне Финкельштейн. Тут мне припомнилось, что она присутствовала при спуске на воду океанского танкера «Цезарь Куников» в 1968 г. Я написал ей. «Документы Цезаря, о которых Вы меня спрашиваете, у меня есть,- отвечала Елена Львовна. – Но я могу их Вам предоставить лишь при согласии на это сына Цезаря Юры». Однако Юрий Цезаревич на письмо Приблуды не ответил. Не было надежды получить документы и у его матери, украинки Натальи Сидоровой (после войны она вышла замуж за адмирала Холостякова).

И все-таки я поехал в Москву. Вначале, по совету Виктории Владимировны, встретился с бывшим секретарем Куникова Джульеттой Баттистини. «Наташа не антисемитка, но как себя поведет – не знаю»,- сказала она мне. Наталье Васильевне я позвонил из автомата и, изложив свою просьбу, услышал: «Эти документы у меня есть, но я их вам не дам». Я выразил

сожаление и попросился. «Нет, нет, - вдруг сказала она, - я хочу на вас посмотреть». Я удивился: зачем? Но все же согласился.

В квартире на Тверском бульваре Куниковы жили до войны. Наталья Васильевна встретила меня, усадила на стул и села очень близко напротив. В свои 60 лет она еще сохранила следы былой красоты, но сильно располнела. Вначале Наталья Васильевна объяснила мне, что в СССР каждый (она почему-то сказала «любой араб») может принять любую национальность. Затем в ее голосе зазвучали жесткие нотки: «Ну, расскажите, что это за еврейский журнал и кто его разрешил». Я сказал, что «Советиш Геймланд» учрежден по решению правительства, но она продолжала с угрозой в голосе: «Я выясню, что это за журнал, я узнаю, кому он нужен». Я посоветовал ей обратиться с претензией к советскому правительству (она обиделась) и спросил, дома ли Георгий Никитич. Адмирал мылся в ванной, и я попросился. Вспомнилось, что Виктория Владимировна мне сказала: «После войны Цезарь бы с ней развелся...»

Вернувшись в Ленинград, я, по указаниям Виктории Владимировны, разыскал на Еврейском кладбище могилу матери Куникова Татьяны Абрамовны и сфотографировал ее на фоне шестиконечных звезд на соседних памятниках. А затем Виктория Владимировна преподнесла мне сюрприз: положила на стол еврейскую поминальную книжку семьи Куниковых – туда была вписана мать Льва Моисеевича Клавдия Монисова. Я сфотографировал эту книжку. Затем передал все фотографии Абраму Соломоновичу, а он предъявил их Вергелису. «Письмо в редакцию» А. Приблуды и И. Брегмана появилось в журнале в августе 1970 г., вскоре за ним последовала большая статья. Цезарь Куников вернулся, после многолетнего перерыва, в еврейскую печать.

Две национальности Куникова

Правду о национальности Цезаря Куникова страна узнала от министра обороны СССР, маршала А.А. Гречко. В статье «Наша общая Победа» в журнале «Новое время» от 5 мая 1972 г. он назвал шестерых героев, погибших в битве за Новороссийск, и среди них «командира легендарного десанта на «Малую землю» еврея Цезаря Куникова». Эти слова всесильного министра обороны не посмели выбросить из текста ни редактор, ни цензор. Затем свое слово о Куникове сказали – правда, не публично - военные историки. В 1977 г. Воениздат выпустил сборник «Герои Советского Союза Военно-морского флота»: Куников там, наконец, был назван евреем. Но... сборник снабдили грифом секретности! Национальность героя Малой земли стала тайной – конечно, это была дикость времен государственного антисемитизма. В следующем, 1978 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла 3-я книга сборника «Герои огненных лет. Очерки о москвичах – Героях Советского Союза» со статьей о Куникове: он опять значился «по национальности русским». Это издание подготовили Институт истории СССР и Институт военной истории. То есть военные историки представляли

Куникова евреем в тайном издании и русским – в открытом! В 1987 г. они снова объявили Куникова русским в 1-м томе «Биографического справочника «Герои Советского Союза». Но столь бесцеремонная фальсификация вызвала на этот раз возмущение: Воениздат получил много писем протеста, письмо читателя опубликовала «Вечерняя Москва»... На все письма издательство присылало стандартный ответ: во втором томе будет помещена поправка. И, действительно, поправку дали – в... списке опечаток. Ясно, что эта заведомая дезинформация и «поправка» были задуманы в Институте военной истории с самого начала. Затем это важное патриотическое дело продолжил Центральный архив Министерства обороны: еще в 1991 г. он высылал на запросы о Куникове справки с национальностью «русский»...

У еврейских десантников, воевавших на Малой земле, проблем с «двойной национальностью» не было: просто о них никогда не писали. Израильский журналист Марк Межебицкий поместил на сайте Донецкой еврейской общины рассказ о беседе с бывшим десантником Куникова, израильским писателем Андреем Хирикилисом: «Видимо, парень из Проскурова пришелся по душе командиру отряда. Куников взял Андрея к себе ординарцем. Позже его определили в разведку... Евреев в десанте было немало. Андрей хорошо помнит, как храбро сражались и командир взвода Михаил Вайнтруб, и командир отделения Александр Тайберман...»

На земле, в небесах и на море

В 1981 г. автор этих строк отправил в Ленинградский институт теоретической астрономии письмо с предложением назвать вновь открытую малую планету (астероид) именем героя Малой земли Цезаря Куникова. Ответ последовал скоро: астроном Виктор Шор сообщил, что это предложение принято. В конце года Виктор Абрамович прислал мне копию «Почетного свидетельства» о присвоении малой планете 2280 имени «Kunikov». В 1982 г. в Московском планетарии состоялась церемония провозглашения новых малых планет, и на это торжество прибыли вице-адмирал Холостяков и его жена. К ним подошел полковник в отставке Ефим Гохберг и сказал, по чьей инициативе малой планете присвоено имя Куникова. И Наталья Васильевна передала мне привет. Судьба супругов Холостяковых оказалась трагической: 22 июля 1983 г. их зверски убил грабитель, обманным путем проникший в квартиру (он украл парадный мундир и ордена адмирала).

В новой России слава героя Малой земли не померкла: самый современный большой десантный корабль российского флота носит имя «Цезарь Куников». В память о нем названы улицы, площадь, поселок в Цемесской бухте. Но национальностей у Куникова по-прежнему две.

[Петр Межирицкий](#)

Правда и ложь о Малой земле

В прожитой жизни всегда остается невысказанное, о чем недостает то мужества, то желанья, а то уже и времени поведать. Маршал Баграмян, сокурсник Жукова по обучению на Высших кавалерийских курсах в Москве и на офицерских курсах в Германии, помощник в предвоенные годы и соратник в войне, диктуя мемуары, сокрушался: не всё дерзает написать, а написанному не смеет дать оценку... Он выражал надежду, что младшие современники сделают это позднее. Младшие не сделали. Тоже убоялись. Или у них появились свои заботы. Или подзабыли поведенное, а переспросить было уже не у кого.

Доступное сегодня делается недоступным завтра. Так уходит в небытие история.

Этот очерк – попытка досказать то, о чем я сказал лишь намеками или вовсе умолчал в книге, вышедшей давно, когда высказать это не было решительно никакой возможности.

Шестьдесят пять лет назад, в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года, свершился великолепный бросок в Станичку, на окраину Новороссийска, на западный берег Цемесской бухты. То был маневр, отвлекавший внимание немцев от высадки основного десанта.

План удара по черноморскому флангу кавказской группировки вермахта предусматривал проведение двух операций: по взятию Краснодара («Горы») и по взятию Новороссийска («Море»). Операция «Море» составной частью планировала десант в Южной Озерейке, юго-западнее Новороссийска, с дальнейшим направлением удара на север до соединения с частями, наступавшими от перевалов. Десант – 83-я и 255-я бригады морской пехоты, 165-я стрелковая бригада, отдельный авиадесантный полк, отдельный пулеметный батальон, 563-й танковый батальон и 29-й противотанковый артиллерийский полк – высаживался на кораблях эскадры Черноморского флота. Командовал высадкой контр-адмирал Басистый. Высадка десанта начиналась в два часа ночи.

Для отвлечения внимания противника, опережая высадку, у самого Новороссийска, в Станичке, в час ночи состоялся выброс демонстративного десанта.

Современному читателю нет нужды объяснять сложность проведения десантных операций. О высадке в Нормандии рассказано столько и в таких деталях (включая дезинформацию агентурную и обманными движениями войск), что любой, прочитавший эти статьи (или книги) и просмотревший художественные (или документальные) фильмы, способен едва ли не сам возглавить подобное предприятие. Но в феврале 1943 года учебные пособия еще добывались кровью, и редкие профессионалы-военные способны были учесть все те факторы, упущение любого из которых обрекало высадку на провал.

Наступление наземных войск заглохло в самом начале. Прорвать оборону немцев не удалось.

Провалилась и операция, руководимая контр-адмиралом Басистым. Высадилось полторы тысячи человек с шестнадцатью танками, но этого оказалось недостаточно. С рассветом корабли эскадры отошли от берегов, опасаясь огня немецкой береговой артиллерии и налетов авиации. Поддержка десанта при мощной обороне противника была невозможна. Десантники погибли в трехдневном бою.

Демонстративному десанту в качестве плавсредств досталось, естественно, то, что не подошло основному: два морских охотника, пограничный катер, четыре катера модели КМ, рейдовые тральщики РТЩ и «Сталинец», катерный тральщик КТЩ (этот вообще давал 6 узлов) и два катера торпедных. Это был так называемый «тюлькин флот», «удивительное сборище водоплавающих храбрых малюток», – как сказал о них Леонид Соболев. В час ночи 4 февраля в районе поселка Станичка, на западной окраине Новороссийска, в зоне, объявленной фашистским командованием неприступной крепостью, тьму разорвали залпы артиллерии, затем взрывы гранат, застрочили автоматы, и 272 десантника демонстративного десанта мертвой хваткой вцепились в берег. А над ночной тьмой, будоража врагов и ободряя своих, летела дерзкая, многократно повторяемая открытым текстом радиограмма:

«Полк высадился успешно, действую по плану. Жду последующие эшелоны. Куников».

Кто же был этот проницательный ум, который уже в начале 1943 года учел все до единой каверзы противника, все коварные ловушки природы и осуществил невозможное?

Ведь это по его плану был выбран район высадки – не пологий пляж, а участок с крутым шельфом, к тому же абсолютно безводный и потому слабее укрепленный. Притом, в такой близости от города, что самая мысль о высадке здесь, рядом с гарнизоном и его средствами огневой поддержки казалась нелепой. Ведь это по его плану за некоторое время до высадки прекратилась в этом районе активная доселе деятельность поисковых групп, и разведка – пристальнейшая! – велась лишь с помощью наблюдателей. Ведь это по его методе готовились десантники – прыгали в полном обмундировании в ледяную воду, стреляли на звук, метали ножи в цель, лазали с завязанными глазами по скалам – готовились так, что за их тренером прочно укрепилось звание «отец советских десантников». Российские десантники и теперь готовятся так же – и так же числят Куникова «отцом». Кто же он, этот тренер, этот друг своих подчиненных, деливший с ними все тяготы и всё делавший с ними и едва ли не лучше их? Кто этот тактик, этот удивительный военный профессионал?

Он не был профессионалом. Не был даже военным.

Он работал на заводе, был секретарем комсомольской организации, не чиновником, а заводилой, новатором, но мечтал стать военным моряком. По путевке МК комсомола направлен в Военно-морское инженерное училище им. Дзержинского. На экзаменах срезался, но что-то было в этом пареньке такое, что его приняли на подготовительное отделение. На штурм науки он бросился со страстью одержимого, боролся с недомоганием, игнорировал боль – и оказался в больнице с прободным аппендицитом. В то время не было антибиотиков, и диагноз был почти равносителен смертному приговору. Молодой и сильный организм одолел перитонит, но от учебы Куников отстал и из училища был отчислен. Поступил в МВТУ им. Баумана, но был отозван на комсомольскую работу. Лишь в начале 1933 года МК ВЛКСМ направляет Цезаря на учебу в Московскую промышленную академию, где готовили руководящих работников. Принимали туда людей, уже зарекомендовавших себя организаторами производства. По совету отца, Цезарь поступил в машиностроительный институт им. Бубнова и одновременно заканчивал два вуза. На Московском заводе шлифовальных станков, знаменитой «Самоточке», в качестве начальника механического цеха он так зарекомендовал себя новшествами и подлинно научной организацией труда, что в 1938 году, в разгар Чистки, стал начальником технического управления Наркоммаша. Наркоммаш впоследствии разделили на три наркомата – судостроения, среднего и тяжелого машиностроения. Руководить политикой такого левиафана после гибели Орджоникидзе было смертельно опасно. Выходец из интеллигентной семьи (отец, Лев Моисеевич, инженер, мать, Татьяна Абрамовна, учитель музыки, фортепьяно), Куников вполне отдавал себе отчет в том, что в стране происходит уничтожение инакомыслящих вне зависимости от степени их политической активности, за одно лишь неприятие ими вождя в качестве бога. В мае 1939 года приказом по наркомату Цезарь был назначен директором вновь организуемого научно-исследовательского института технологии машиностроения (ЦНИИТМАШ, ныне ВНИИНМАШ, процветающий, но без упоминания имени основателя). Среди академиков и докторов наук он, практик, чувствовал себя неудобно и, закончив организацию, в августе 1939 года, ушел в прессу, возглавив центральную газету «За индустриализацию» (впоследствии «Социалистическая индустрия») и создав журнал «Машиностроитель». В этом качестве и застала его война...

От мирной жизни осталось несколько фото Цезаря. Ни одно не передает характера. Даже не намекает на него. С фото глядит сперва ироничный, но довольно все же чинный мальчишка, потом серьезный, даже скучный чиновник. Или степенный флотский политрук в отлично пригнанной шинели и лихо сидящей фуражке с крабом. Оппозиционер в годы Чистки спрятался, его лицо несколько не напоминает того, потрясшего меня так, что это потрясение заставило писать о нем книгу.

Тут время для отступления – хотя бы потому, что, прокатанный войной ребенок, я все же в литературе увлечен был иным. Конечно, война забиралась во все, что я ни писал, но бочком, не затрагивая сути сюжетов. Писать я вообще начал поздно, на двадцать девятом году жизни, и основной темой было – как бы догнать Америку, не свалившись при этом в пропасть, хотя мой благожелательный редактор, а впоследствии корифей российской критики С.А.Лурье уверял меня, что я пишу не производственные, а философские романы. Наверное, что-то в них и впрямь выходило за рамки злободневности, но побуждало-то меня к писательству именно сиюминутное: уже с начала шестидесятых меня преследовало острое и тревожное чувство зыбкости нашего державного существования и неотвратимости предстоящих революционных потрясений.

В литературу я влетел. Первый же роман, написанный о колхозных проблемах в год, предшествовавший скандальному неурожаю 1963 года, был принят к публикации престижным литературным приложением журнала «Сельская молодежь», издававшим до того времени лишь классиков. В процессе подготовки романа к печати был снят со своего поста редактор журнала Юрий Панов, рукопись странным образом исчезла, но я уже окончил большую повесть «Десятая доля пути», и она в 1966 году прошла на «ура» в журнале «Нева». По повести поставили фильм, издательство «Молодая гвардия» издала её в престижной серии «Молодые писатели». Все шло лучше некуда. В 1967 году я закончил роман, «В поле напряжения». В «Десятой доле пути» мне даже по партийным бонзам удалось прокатиться. От нового романа я, естественно, ожидал большего – и, соответственно, вложил туда больше. Теперь речь шла уже не о частных случаях кретинизма, а, как и в первом романе, о пороках системы, о необходимых реформах – если уж не конституционных, то хотя бы хозяйственных.

Сколько нас таких попало на удочку успеха первых произведений... Да все, начиная с «пятидесятника» Трифонова и кончая всеми «шестидесятниками» – Аксеновым, Владимовым, Войновичем, Гладилиным, Максимовым... Все предугадывали катастрофу. Все желали ее предотвратить. Все поплатились за это. Времена менялись не в лучшую сторону. В 1967 году похоронили хоть и куцую, но желанную промышленниками реформу – она позволила бы предприятиям выйти на рынок. В 1968 году удушили Пражскую Весну. А я продолжал ломиться со своим «В поле напряжения», пока на расширенной редколлегии «Невы» в мае 1969 года роман не подвергся разгрому с требованием полной идейной перестройки. В.Н.Кривцов и С.А.Лурье, мои болельщики, сидели оглушенные. И тут я дал себе волю. Сперва скороговоркой, чтобы, не приведи бог, не быть прерванным, перечислил черты нашего социалистического устройства, противоречащие установкам основателя государства. Затем вполне профессионально – я ведь к тому времени уже и в должности начальника отдела новой техники побывал на крупном союзном

заводе – поведал о забавных, но вовсе не смешных методах выполнения и перевыполнения производственных планов. А завершил свою сонату тем, что предложил редколлегии к столетию со дня рождения вождя документальную повесть с таким сюжетом: год 1923-й, Горки, Ильич, парализованный, способный лишь мычать, после очередного визита Иосифа Виссарионовича сидит в своей беседке, укрытый пледом, перебирает в памяти события последних шести лет и думает: «Боже, что я наделал! Что теперь со всем этим будет?!»

Удивляться ли после этого тому, что к осени 1972 году я был уже лишенцем с трехлетним стажем? Еще и других потянул. За опубликование в «Звезде», № 9, за 1969 год моей короткой повести «Один рабочий день» лишился поста зам главного редактора журнала Л.И.Емельянов, прекрасный человек, полковник в отставке. Я много писал, рассылал – зря: аполитичное из-под моего пера было ИМ неинтересно, а политическое выходило для НИХ крамольно...

И тут друг предложил мне бесплатную двухнедельную путевку в пансионат общества «Знание» в Геленджике. Собрав кое-какие гроши на дорогу, с тридцатью рублями на обратный путь и неотложные нужды, я в конце сентября отправился на Кавказ. (Когда я стал заниматься войной вплотную, то понял, что прибыл туда в сороковую годовщину обороны Кавказа. Нелишне вспомнить: медаль «За оборону Кавказа» учредили одновременно с самыми-самыми медалями – за Москву, Ленинград, Одессу, Севастополь, Сталинград... Еще и в помине не было даже Киева, не то что Курска, Новороссийска и прочих постфактум-героев).

Перед отъездом повидался со своим приятелем Яшей Хонигсманом, доктором наук, читавшем марксизм в моей alma mater, во Львовском политехническом. Он мечтал о написании книги «Евреи в военной промышленности в годы войны». Книга не была написана, хотя Яков Самойлович, оставаясь во Львове, написал с тех пор немало исследований о вкладе евреев в экономику стран их обитания. А я сказал, что в Геленджике попробую разобраться с этим Куниковым, с его странным именем-отчеством. (Оголтелый государственный антисемитизм был одним из пунктов нарушения ленинских норм руководства, о чем я не преминул уведомить расширенную редколлегию «Невы». Да и достало это нас, особенно в ходе бурной кампании, поднятой после несравненной Шестидневной войны...)

Как гласит лаккская поговорка – есть на Кавказе такая народность, – «когда неудачник купается в озере, к его заднице прилипает лягушка». Едва я прибыл в Геленджик и сдал вещи в камеру хранения, как пансионат обокрали. Именно камеру хранения. Опытный злоумышленник обшарил сумки и чемоданы и манаток не брал – только наличные. К счастью, билет на экскурсию в Новороссийск и Малую землю я успел купить в первый же день.

Накануне экскурсии, в погоду не очень уж пляжную, я лежал на береговом откосе с томом писем Чехова издания 1929 года. (Списанные в библиотеку пансионата из столичных библиотек книги двадцатых годов так украсили мое пребывание в Геленджике!) В одном из писем Чехов упрекал своего издателя Суворина, хлопотавшего по какому-то поводу о русских немцах. Чехов обронил такую примерно фразу: «Вы бы, батенька, лучше похлопотали о крымских татарах; немцы ничего не сделали для России, а татары сделали, и много». Меня жгла память о дважды Герое Советского Союза Амет-хане, бюст которого установлен на родине героя, в Бахчисарае. Кроме сего бюста, не имел права на проживание в городе ни один крымский татарин. В этой связи, захваченный чтением, я долго не реагировал на заунывный зуд, доносившейся откуда-то из-за дюны. Настойчивое повторение слова, в русском языке неприличного и зиявшего в параграфе пятом моего паспорта, привлекло наконец мое внимание.

Сперва я не двигался, слушая степенную беседу внизу и вспоминая, что во Львове именно в это время готовится к выезду в Израиль семья Дубновых, одна из ветвей знаменитой фамилии. Года за три до этого Дубновы отдыхали в пансионате железнодорожников в Новом Свете, в Крыму. Там и случилось то, что, вероятно, вызвало их решение эмигрировать. Банальный случай. Они уже погасили свет в комнате, а под окнами собрались покурить перед сном отдыхающие и завели разговор на ту же наболевшую тему. Стандартный набор: Иван на фронте воюет, Абрам в Ташкенте торгует. А видели вы еврея-тракториста, еврея-трубочиста? Уххх, эта нация! Все доктора, все учителя! А сейчас Израиль этот, агрессивный, империалистический?! Да вообще, о чем говорить, чужой народ! Все бы ничего, все привычно, но знакомый послышался голос, и Дубнов выглянул, чтобы увериться, что ошибся. Не ошибся. Голос принадлежал пациенту, оперированному им два года назад.

Пациент, спасенный от смерти, делается для врача, как дитя родное. У Бориса Дубнова, оперировавшего все черепные травмы Львовской дороги – а сколько было этих травм при крушениях и падениях, да при той-то трезвости! – деточек скопилось немало. Дитя, в данном эпизоде оратор под окном, был крановщик, получивший свою черепную травму при падении с крана. В больницу доставлен в коме и сразу положен на стол. Кстати, крановщик запомнился Дубнову еще и тем, что хирург-напарник был в отпуске, и с этим случаем глубокого проникновения в мозговую ткань Дубнову пришлось справляться одному. Главное даже не то, что он лишен был ассистента при операции, а то, что и выхаживать больного тоже пришлось самому. В СССР успешная операция не гарантировала больному выживания. Все могла погубить сиделка. Она уснет, а больной изойдет кровью. Или захлебнется во сне. Поэтому тяжелых больных хирурги выхаживали сами. Ночь доктор Юровицкий, вторую доктор Дубнов. А если один в отпуске, то и одну ночь, и вторую... Дубнов крановщика выхаживал, не интересуясь, кто он – поляк, украинец, мадьяр, цыган или русский.

Выходил. И вот, под окном Дубнова, не зная, конечно, что доктор слышит, тот разливался о евреях.

Таким я Бориса еще не видел. Его доброе лицо было перекошено горем:

– Это предрассудок, понимаешь? Пред рассудок! До рассудка это не доходит, перед ним останавливается, им не рассматривается! Это неискоренимо!

Чем было его утешить? Тем, что формулировку «лица непатриотической национальности» я не от крановщика слышал, а от ответственного работника? Да не во множественном хотя бы числе – «лица непатриотических национальностей». В единственном, не вызывающем сомнений по поводу того, к какой именно она лепится: крымских татар во Львове не было...

Преодолевая отвращение, выглянул я из-за барханчика, на вершине которого лежал. Внизу, не видя меня и невидимые до этого мною, сидели трое за поллитрой, которую недавно, видимо, раздавили. Понятно, что с привычных ста шестидесяти шести миллилитров господ лишь протрезвели и беседовали серьезно. Даже не беседовали. Проходил своеобразный семинар в полевых условиях на самую наболевшую тему. В центре внимания был благообразный теоретик, высокий даже сидя. Этаким полуинтеллигент лет сорока пяти. Возраст, когда понимаешь, что большего не добиться, что твой корабль, как справедливо заметил Жванецкий, уже не войдет в нейтральные воды. Двое ровесников кивали и качали головами, сопереживали, поддакивали с охами, с восклицательными междометиями. Мне теперь все стало слышно. Ничего нового. Тот же разговор, который с энтузиазмом поддержал крановщик. Ну, буквально слово в слово!

Тусклый сентябрьский денек совсем потемнел.

На следующее утро, и состоялась экскурсия на Малую землю...

Уже до этого в прогулках по Геленджику я видел на кинотеатре (им. Куникова, естественно) намалеванное местным художником изображение героя. Профиль был мне этнически близок, но насколько правдоподобно схвачено сходство? Куников – разве не может это быть горской фамилией? Цезарь – разве не могут назвать армянина или азера? Я не имел достаточных данных для вывода, а подозрения о принадлежности Куникова к собственному моему этносу в Геленджике стали даже убывать.

Посадка в экскурсионный автобус вызвала у меня подозрение, что пансионат принадлежит обществу не «Знание», а «Спартак». Бойцовские качества неожиданно проявили дамы, давно уже переставшие быть молодыми. В результате мне досталось место на заднем сидении автобуса, даже не у окна,

а в центре, в проходе. Гид, милая молодая казачка, на прекрасном русском языке вела рассказ о героической обороне Новороссийска. Времена были брежневские, генсеку изготавливали его собственную героическую легенду, как некогда Сталину – Царицын. Пока автобус миновал район цементных заводов с легендарным сарайчиком и оставленным на рельсах, наголо ободранным пулями остовом товарного вагона, где некогда помещался штаб 305-го батальона морпехоты, тек рассказ экскурсовода о днях воистину сталинградской обороны Новороссийска за четыре месяца до высокого и бесполезного подвига Малой земли. Оборона столь была безнадёжной, что, в хаосе отступления 1942 года и в страхе перед выходом немцев к турецкой границе у Батуми, Совинформбюро 10 сентября сообщило об оставлении города.

Потом рассказ подошел к повороту войны у Сталинграда, к началу движения на левом фланге советского фронта, к десантной операции у Южной Озерейки, завершившейся провалом, и к успеху горстки добровольцев, зацепившихся во главе со своим командиром в Станичке, на безводном и неприступном берегу, и захвативших плацдарм в четыре километра по фронту и два с половиной километра в глубину.

– Да кто он, этот Куников? По национальности он кто? – последовал нетерпеливый и более всего беспокоивший сплошь российскую (украинскую) аудиторию вопрос. Видно, не у меня одного вызывало сомнение неблагозвучное имя-отчество героя...

– Русский он, русский, – успокоила аудиторию экскурсовод и показала фото. Большое фото, чтобы видать было и в хвосте автобуса, увеличенное до крупнозернистости. Фото человека бесконечно усталого, измученного бессонницей, исхудавшего, в ушанке с опущенными ушами, с торчащим носом, с глазами добрыми и спокойными, обречено глядящими куда-то в сторону от фотокорреспондента, туда, где люди делают по его указанию нечто очень важное, чему отдано теперь все его внимание.

И тут со мной сделалась истерика. Тихая, конечно. Под темными очками. Так и проплакал я, потрясенный, весь тот долгий день с утра и до позднего вечера...

Фотография Куникова, которая побудила к написанию книги о нем. Слева фото, показанное на экскурсии, справа его газетная версия, с явно видимым в увеличении растром. Легкое касание ретушера в газетном изображении сделало лицо Цезаря пусть не веселым, но менее тревожным и измученным. Конечно, русский. Как и я. Русский, кто еще... Русский еврей. Язык – какой? Единственный, иного не знали. И кто вообще интересовался этим? Полноценные люди разве интересуются национальностью соратников? В куниковском 305-м ОБМП на рубеже цемзаводов немец воевал, москвич. Кто-то из шестисот бойцов батальона ткнул ему, что он немец? Это там, где каждый решал судьбу всей обороны на судьбоносном для России рубеже. Где из шестисот через десять дней боев осталось сорок восемь. Одни лишь особисты терзались: что делать с немцем с этим? Не отдали куниковцы своего немца. Они с ним прошли от Москвы до Ростова, через Темрюк, через жуть Тамани до брестко-сталинградских цемзаводов Новороссийска – и там довоевали до конца...

Ничего этого я не знал тогда, в 1972 году. И затрясся не поэтому, хотя обида, конечно, была. Ничего этого я не знал тогда, в 1972 году. И затрясся не поэтому, хотя обида, конечно, была: мало нам унижений, так еще и героев отбирают... Но то было вторично. Главное – я увидел не только человека – государственного деятеля. Почувствовал весь его незаурядный характер. И оказался раздавлен невозможной утратой.

Кто он? Я не знал тогда о нем ничего.

В книжных магазинах осеннего, пустого Новороссийска я спрашивал книжечку о Цезаре. Продавцы качали головами: «Нет, не было, не помним...» Нашел брошюрку в музее Геленджика, выпущенную в 1945 году. Она, пожелтевшая, почти крошащаяся, лежала под стеклом в витрине, раскрыта была на первой странице. По моему требованию, ее извлекли и дали мне подержать – единственный экземпляр. В ней было страниц двадцать. Автор ее, Яков Зиновьевич Черняк, историк литературы, написал то, что можно было в году сорок пятом, не более того. Инженер. Командир. Любимец подчиненных. Герой. Погиб. Все.

На набережной я вторично зашел в центральный книжный магазин, в отделе военной книги спросил заведующего. Миловидная женщина ответила, что работает здесь со дня основания, начинала рядовым продавцом, есть много

книг, где о Куникове написаны десятки страниц, но книги о Куникове нет. «Так будет!» – сказал я, еще не зная, на что себя обрекаю. Потрясение личностью Цезаря было слишком велико. Оно не прошло.

На обратный билет жена наскребла мне двадцать рублей. Я выбрал самый дешевый вариант: морем, третьим классом, до Одессы, потом поездом во Львов. До Евпатории штормило, я стоял на палубе, в центре, качался с судёнышком (теплоход «Узбекистан», восемь тысяч тонн). В Одессу прибыли утром. В привокзальном скверике сел на скамью. До поезда оставалось часов семь. Поездом еще около суток. Осень, октябрь, прохладно. Голодно. В брюках двадцать три копейки. Озябнув, сунул руки в карманы куртки. И нащупал монеты. Последовала операция извлечения. Она себя оправдала. За подкладкой оказалось пятьдесят три копейки. Восемь ушло на троллейбус туда и обратно в поисках ближайшей вареничной. Порция вареников стоила двадцать две копейки. Я взял две порции.

Что было дальше в поезде – честное слово, не помню. Постель, конечно, не брал, не на что было. Как-то доехал. Монеты в подкладке воспринял, как знамение свыше, и по возвращении во Львов накатал заявку в Политиздат, в серию «Герои Советской Родины». С этим не ошибся: серия такая была слабая, такие бездари в ней сотрудничали, такую туфту редакция пропускала!.. В одной книжечке о генерале Доваторе он ненавязчиво был представлен белорусом. В другой, изданной в той же серии годом позднее, уже казаком... Неопределенные фамилии, беспокоящие вопросы... Более именитые коллеги, идеологически проштрафившись, шли на принудительные, так сказать, работы в Политиздат и украшали его прозябание написанием великолепной прозы в серии «Пламенные революционеры» – о Робеспьере, о Желябове... На принудработках, конечно, не скажешь всего, что желал бы, но, по крайней мере, высказанное читалось запоем. Думалось, что мне, даже и диссиденту, участвовать в серии «Герои Советской Родины» отказать не могут.

Еще как могли! Я недооценил степень своей проштрафленности. Все решил случай. Именно тогда Новороссийску клеили звание города-героя и опаздывали на этом фоне восславить генсека. Времени было в обрез, а я как раз подоспел со своей заявкой...

Сбор материалов на книгу о Куникове был упрощен тем, что его жена, Наталья Васильевна, вышла после войны замуж за его боевого командира, вице-адмирала Холостякова. И осложнен тем, что оба они, люди значительные (Наталья Васильевна до выхода на пенсию занимала пост директора павильона «Машиностроение» на ВДНХ), желали, чтобы книга была и о них. Кое-какие военные материалы и исчерпывающую информацию о получении Цезарем (и Натальей Васильевной) высшего образования добыть у них всё же удалось. Кое-что и о работе Куникова в Наркоммаше. О Цезаре-человеке я не узнал ничего. Дерзнул обратиться к Наталье Васильевне с просьбой показать то, что она сочтет возможным показать мне из военных писем Цезаря. Она сухо ответила, что письма передала в архив Министерства обороны. Образ, сложившийся в экскурсионном автобусе при

контакте с магически ожившей на миг фотографией, оставался не подкрепленным мифом.

Имелся альтернативный источник информации – семья сестры Цезаря, Елены Львовны Финкельштейн, известного театроведа. Елена Львовна умерла за год до описываемых событий, но адрес жившего в Ленинграде ее мужа, Владимира Львовича, сообщил мне мой литературный наставник и друг Сократ Сетович Кара. Я написал В.Л. Ответа не получил. Обратился по этому поводу к Наталье Васильевне – мне сухо было отвечено, что после смерти Елены Львовны связи с ленинградской ветвью семьи прекратились. На следующее утро я приехал к Холостяковым снова. Н.В. дома не было. С адмиралом мы выпили по рюмке-другой коньяку, но хитрец, хоть и разомлел, не раскололся. Правда, я услышал подлинную его биографию, ту, которой нет в выходявшей как раз тогда его мемуарной книге «Вечный огонь». О том, как его, комбрига, командира 5-й бригады подлодок Тихоокеанского флота, взяли в мае 1938 году. Как шили сотрудничество с врагом народа Блюхером, в которого Холостяков был влюблен, как и все дальневосточники. Шили сотрудничество с врагом народа Викторовым, начальником морских сил страны. Каким-то чудом вывернулся комбриг из лап НКВД. Не сразу. Два с половиной года – с весны 1938 по осень 1940 – в мемуарах адмирала опущены. Осенью 1940 года Холостяков был назначен командиром 3-й бригады подлодок на Черноморском флоте, но аттестован не контр-адмиралом, как положено комбригу, а капитаном 1-го ранга. В этом звании и встретил войну.

Еще многое рассказал Георгий Никитич, но все о себе, все о себе, родимом... Еще о Наталье Васильевне – как приезжала в Геленджик на могилу Цезаря, как Холостяков влюбился в нее, писаную красавицу, как уламывал ее и тогда, и потом, после войны... Как на Тихоокеанском флоте командовал 2-й эскадрой. Как ушла с его эскадры в 1947 году вместе с замполитом к американцам подлодка. Как прибыла правительственная комиссия во главе с Ворошиловым и Малышевым, и его, Холостякова, песочили за провал идеологической работы. Как сняли с эскадры. И как в связи с инцидентом, согласно постановлению ЦК, была заказана и написана песня «Летят перелетные птицы». Много узнал я от одного из самых информированных людей державы. Близость к Брежневу позволила ему подняться даже после дальневосточного падения. И Героя он получил после войны, командуя

бригадой подводных лодок, впервые обогнувшей планету в подводном положении, без всплытия, – грандиозное стратегическое достижение...

О Цезаре удалось узнать лишь

относившееся непосредственно к операции. Да и то пришлось потом уточнять у начальника штаба Новороссийской военно-морской базы капитана первого ранга Аркадия Владимировича Свердлова, подлинного диспетчера высадки на Малой земле, двоюродного племянника председателя ВЦИКа...

С началом войны преобразование чиновника в подтянутого командира произошло почти мгновенно.

...Начало войны застало Куникова в поезде Москва-Ленинград. Приближение грозы он чувствовал остро и не знал покоя даже в выходные, ехал в Питер на оборонные заводы – лично делать материал в газету об увеличении выпуска боеприпасов. В тот же день обратным поездом вернулся в Москву – и в военкомат. Это в свой день рождения, 23 июня... Старший политрук Куников рвался в действующую армию, на флот, но организатора промышленности Куникова тянули на руководящую работу. Конкретно – как раз заместителем наркома боеприпасов. «Какой я нарком боеприпасов, я же пороха не нюхал!» Все же военкомат в эти дни поражений победил бюрократию. Впрочем, просто так Куникова на фронт не пустили, поручили формировать отряд водного заграждения. Отряд формировался в Москве, на основе Общества спасения на водах. Куников принял шумную вольницу «Освода» – и сделал отрядом. Политруком стал ближайший друг Цезаря, Вася Никитин, второй секретарь Бауманского района столицы. Начальником штаба – владевший немецким, как родным, Веня Богословский, архитектор, штабник, старший лейтенант запаса.

Слева Василий Никитин, политрук 14 ОВЗ. Справа Цезарь Куников, командир отряда. Июль 1941 г. Москва.

Отряд водного заграждения – это заградотряд. Его назначение – хватать отступающих, пеших или плывущих, и стрелять. Куникову оказано было доверие, которого он не оправдал. В сентябре, когда отряд вдруг срочно бросили во фронтовую зону, Куников весьма формально выполнил приказ о занятии рубежа второго эшелона на восточном берегу Днепра, в районе

Запорожья, когда немцы уже форсировали Днепр. Отряд вышел на линию огня и тем самым из карательного превратился в боевой. После головоломных приключений отряд с бронекатерами, погруженными на автомашины, совершил шестидесятикилометровый марш с выключенными фарами в безлунную ночь, не потеряв ни единого человека и выведя с собой другой заблудившийся отряд, кстати говоря, боевой.

Генерал Григоренко громогласно упрекал Жукова за то, что тот под Халхин-Голом отдавал под трибунал командиров, получивших назначение и не сумевших ночью в голой однообразной степи определить без указателей направление и добраться до своей части. Ну, так вот: жестокий экзамен Халхин-Гола в непосредственной близости от противника сдал не нюхавший порошу штатский, кабинетный чиновник, даже не строевой командир, политрук, тем самым доказав полноправность жуковского экзамена и, строго говоря, корректность его требования: командир обязан знать свое дело.

Дальнейшая боевая деятельность Куникова беспрецедентна по советским критериям. Этот старший политрук, в 1942 годом аттестованный майором, явочным порядком превратил свой заградотряд в диверсионный, хотя тот по-прежнему именовался 14-й ОВЗ (Отряд водного заграждения). Он воевал, применяя им самим разработанную тактику: связался на Приазовье с партизанами и по их наводке, предварительно проведя собственную разведку с расстановкой неприметных вех, наносил немцам точечные ночные удары в самые чувствительные пункты – железнодорожные узлы и переправы. Потери немцев от 14 ОВЗ исчислялись сотнями людей, взорванными эшелонами, десятками сгоревших танков и цистерн с горючим, а Куников, действуя с катеров из тьмы и уходя во тьму, практически не терял людей*.

Полагаю, он был первым в Красной Армии апологетом и мастером ночного боя.

Но свою тактику он мог навязывать противнику лишь до поры, пока немцы не высадились на Тамани. Потеря Азовского моря и донских плавней, потеря последней базы в Темрюке вынудила уничтожить катера. Спешенный отряд Куникова вместе с остатками других подразделений был переформирован в 305-й Отдельный батальон морской пехоты, ставший легендарным даже не впоследствии, а сразу, прямо в ходе беспримерных по умелости их проведения боев на Тамани. Куниковцы, заранее готовя запасные рубежи обороны, пятились с востока на запад, изматывая противника, нанося ему серьезные потери и прикрывая вместе с артиллеристами береговой обороны эвакуацию кораблей Азовской флотилии. Эта беспримерная оборона трех батальонов (Азовского, 144 и 305 ОБМП) при отражении фронтальных и фланговых атак двух дивизий противника до сих пор не нашла полного освещения в истории войны.

Однажды пришлось оставить заслон, обреченный на уничтожение. Командовать вызвался лейтенант Богуславский. В октябре, находясь на излечении в госпитале, Куников написал во фронтовую газету: «Героически сражался командир группы т. Богуславский. В критическую минуту он выпустил в окружавших его немцев все патроны, а последнюю пулю в себя,

избежав позорного плена. Краснофлотцы Лаврентьев и Клименко, раненные в живот, продолжали вести огонь, уничтожая подбегавших гитлеровцев. Озверелые фашисты изрезали ножами умиравших героев... Мы никогда их не забудем. Они, как живые, стоят с нами в строю...»

Русский Богословский, еврей Богуславский воевали рядом, не думая о национальности друг друга. Да разве Богуславский не считал себя русским? Для немцев он еврей, это он знал. Но для своих-то отчаянный геройский командир!

Воюя на Тамани в арьергарде, 305-й ОБМП так запугал противника, тоже измученного боями, что, затаившись в плавнях, некоторое время не был даже атакован. Все же эвакуирован он был почти чудом, уже числясь в безвозвратных потерях, таким же точечным методом, каким воевал Куников, – ночью, двумя канонерскими лодками, двумя катерами и сейнером. На берегу измученную многодневными боями гвардию морпехоты встретил командующий Азовской флотилией контр-адмирал Горшков и своей властью дал три дня – отоспаться. Спустя несколько часов батальон подняли и бросили на рубеж цемзаводов: выход немцев на Туапсинское шоссе грозил непоправимым поворотом всей войны. В марше к Новороссийску на грузовиках, без фар, по узкому ночному шоссе, стоявший на подножке и всматривавшийся в дорогу, чтобы давать указания водителю, Куников был прижат встречной машиной и с тяжелой травмой позвоночника отправлен в госпиталь.

Война достигла апогея ожесточения. Зверские рукопашные полыхали в Сталинграде, Новороссийске, у Туапсе. А он, видевший ростовский яр с расстрелянными детьми и старухами, потерявший зверски убитыми немало людей своего отряда, с которыми сроднился с самой Москвы, прохладился в Сочи, где с женой и сыном отдыхал до войны. Это было мучительно. В конце концов, он уговорил врачей. Выписать выписали, но указали, что годеи он ограниченно.

Был конец октября. В штабе флота майор Куников получил назначение командиром 3-го боевого участка противодесантной обороны Новороссийской военно-морской базы (НВМБ) и был командиром базы примечен. Не дожидаясь утверждения плана, угадав развитие событий, зная, как скрупулезно следует готовить десантные операции и какая начнется спешка после приказа – который неминуемо запоздает! – Холостяков стал заблаговременно формировать группу первого броска в Цемесскую бухту. Начал он, естественно, с командира. Было у него на заметке несколько человек, он вызывал их и каждому задавал тот же вопрос: «Изложите соображения об организации силами базы десантного броска в Цемесскую бухту». Состоялся своеобразный конкурс. Победителем вышел Цезарь.

«Мы не очень вдавались в биографические детали, и многое о Куникове я узнал уже потом, – написал в своей книге Холостяков. – Но, конечно, мне было известно, что командир он не кадровый, по образованию инженер. Однако при общении с ним это как-то забывалось: майор производил впечатление именно кадрового военного. Подтянутый, словно влитый в

ладно сидящую на нем форму, он соблюдал правила субординации естественно и привычно, отнюдь ими не скованный, на вопросы отвечал спокойно и немногословно, очень ясно выражая каждую мысль. В нем чувствовались ум, воля, жизненный опыт».

Вот какие концепции в беседе с Холостяковым выдвинул Куников как основополагающие:

- десант со всеми приданными ему транспортными средствами и силами поддержки должен подчиняться одному командиру, координирующему все действия;
- связь между штабом, десантом и силами поддержки должна осуществляться самыми надежными средствами и дублироваться условными сигналами;
- отбор людей в десант должен осуществляться на основе строгой добровольности; каждый должен четко представлять, на что идет;
- обучение людей должно выработать в каждом умение действовать в одиночку, ночью, любым оружием; приемы должны быть отработаны до автоматизма, а обстановка учебы должна быть максимально приближена к боевой.

Этими концепциями и руководствовались. Они и обеспечили успех.

Приказ № 1 командира Отряда специального назначения датирован 10 января 1943 года. Местоположение штаба – мыс Тонкий, Геленджик. До высадки оставалось двадцать четыре дня.

Формирование отряда началось тем, что Холостяков вызвал подчиненных ему командиров всех рангов, познакомил их с Куниковым и распорядился отпускать в его распоряжение всех, кто выразит желание воевать в Отряде специального назначения. Отбирать у подразделений базы лучших людей было жестоко, и лишь сознание невероятной трудности предстоящей операции и чрезвычайной роли каждого участника демонстративного десанта побудило Холостякова отдать такой приказ. Но, отдав его, он показал пример: объявил о включении в отряд базовой группы разведчиков – самого лихого подразделения НВМБ...

... В Сан-Франциско живет Аркадий Вайсфельд. Сейчас полковнику за восемьдесят. Двадцатилетним лейтенантом-артиллеристом он после ранения пришел к Куникову, которому рекомендовали назначить лейтенанта командиром артиллерии десанта. Куников поговорил с парнем, был пленен его искренностью и умом и не скрыл почти несомненной гарантии гибели в предстоящем предприятии. Вайсфельд кивнул. В добровольцы шли не потому, что хотели гибели – потому что страна была в опасности. «Я думаю, Куникову особенно понравилось во мне то, что я был боксером-перворазрядником, – с улыбкой комментировал полковник своё зачисление в отряд. – Потом начались тренировки. После них, мокрые и проголодавшиеся, мы выпивали по полстакана спирта и засыпали, как убитые».

Лейтенанта-артиллериста Куников, конечно, зачислил в отряд. Пушкам противился, как мог: «Утопим при высадке, а доставать будет недосуг». Разумные доводы не подействовали. Пушки пришлось взять, легкие,

сорокапятки. Их, конечно, утопили при высадке: шельф был крутой. Пытались достать. Вайсфельд сам едва не утонул при этом...

Основу отряда составили морские пехотинцы с таким послужным списком, который говорил сам за себя. То были защитники Одессы и Севастополя, участники феодосийского и керченского десантов, боев на Тамани и в Новороссийске. Казалось, таких людей нечему учить. Другой командир вполне положился бы на столь солидный боевой опыт. Не Куников. Он слишком хорошо знал о существовании категории «случайность»...

Береговые обрывы Кавказского побережья сложены из хрупких слоистых мергелей. Предстояло прыгать в ледяную воду и карабкаться на десятиметровую обледенелую крутизну ночью, впотьмах, в мокром обмундировании, с гранатами, с автоматом, под ураганным огнем. При этом не терять способности ориентироваться, чутко слышать и молниеносно действовать. Все без исключения участники десанта тренировались в стрельбе по звуку, в скалолазании, в метании гранат из любого положения. Учились быстро окапываться, бесшумно ходить по гальке с завязанными глазами, не глядя разбирать и собирать любое оружие, в том числе трофейное. Учились самбо и метанию ножей. Каждый должен был владеть пулеметами и минометами всех систем, трофейными орудиями. Учились бинтовать, останавливать кровотечение, накладывать шины при переломах. Учились распознавать минные поля, минировать и разминировать местность. Учились по голосу и шепоту узнавать товарищей. Все это было похоже на очень увлекательную игру. Но впоследствии то, что казалось каскадерством, пришлось проделывать в ночной тьме, в бою – и тогда десантники оценили предусмотрительность своего командира.

«А что если?..» – вот был обычный вопрос на занятиях по боевой подготовке: если за спиной резкий окрик «Хальт!»? а если спереди? сбоку? а если их двое? а если в разведке темной ночью прожектор? ракета? а если граната шлепается в траншею у самых ног? Он предлагал каждому мысленно поставить себя в типичные ситуации, чтобы подготовиться к ним. Прodelать в воображении то, что придется делать физически, потому что в момент опасности соображать будет некогда. Победит тот, кто окажется быстрее, у кого решение окажется готово заранее, кто в мыслях многократно повторит все движения – четко и в ураганном темпе.

Тренировки были не только мысленные. Реакция на гранату отрабатывалась практически. Возле группы бойцов, которые, бывало, в минуту отдыха мирно покуривали в отведенном месте, вдруг падала учебная граната. Вмиг они должны были упасть наземь, головой от гранаты, а ближайший к ней, кому при взрыве не было бы спасения, должен был молниеносно подхватить ее и выбросить подальше, притом в ту сторону, откуда она прилетела. Такие упражнения Куников изобретал непрестанно. Их отработка спасла немало жизней.

Отряд был сформирован и жил деятельной боевой жизнью. Едва ли не ежедневно группы уходили в поиск по тылам врага, иногда на несколько дней. Велась усиленная разведка. Катера у берега, занятого врагом,

провоцировали огонь; артиллеристы засекали и пристреливали цели, не ликвидируя их. Недели за полторы до высадки разведка была переведена на наблюдение. Немцам дали успокоиться.

Дни и ночи были заполнены напряженными тренировками. Ночью, в самый глухой ее час, можно было услышать грозное матросское “ура”, когда во главе с Куниковым его люди, подойдя на катерах к мелководью, в полной амуниции бросались в студеную январскую воду – по пояс, по шею, иногда с головой. Для учебных высадок Куников выбирал такие места, где берег был круче, а дно усеяно камнями и обломками скал: дескать, на песочке будет легче. Сам командир, медициной зачисленный в нестроевые с его недавней травмой позвоночника, шёл впереди своих людей. И на плацдарме высадился первым. Он прекрасно знал, на что идут его люди и он сам. Своему заместителю по газете, Максиму Кусильману, тогда редактору фронтовой газеты 61-й авиационной армии, он написал: «Готовимся к глубокой прогулке, не знаю только, выйду ли из нее живым...» А другу молодости и боевому комиссару по 14-му ОВЗ и 305-му ОБМП Васе Никитину черкнул 31 января 1943 года коротко и однозначно: «Дорогой Василий, я сейчас занят на Чумбур-Косе, с той лишь разницей, что не все моря замерзают. Настроение праздничное. Суета, к себе гостей не ждём, думаем сами в гости податься, готовим «дорогим хозяевам» подарки. Вообще, ждём праздника из тех, что на нашей улице. Вася, прощай, мы пошли. Не поминай лихом».

...Я читал довоенные подшивки газеты «За индустриализацию». Читал всю литературу, какую мог достать о Малой земле, о Цезаре. Рассматривал фотографии, их было немного, да и не всем можно было доверять. В марте 1974 года снова съездил в Москву. Побывал на Лесной, на Тормозном заводе, где Цезарь в 1929 году был деятельнейшим секретарем комсомольской организации. Некоторые работники еще помнили его, но прошло 35 лет... Принимали меня хорошо, собственные подвиги не навязывали, подарили книгу о заводе с теплой надписью, и кое-что о Цезаре я все же узнал. Тогда же я ближе познакомился и сдружился с А.В.Свердловым. Он оправлялся после болезненной операции, лежал в постели, но принял меня сердечно. Очень корректный, классический моряк российского флота, не ставший адмиралом на адмиральской должности начальника штаба сперва Азовской, а затем Дунайской флотилии, Аркадий Владимирович сообщил мне подробности состыковки многочисленных мероприятий – от времени отправления судов с десантом и их постановки в дрейф вблизи места высадки до сигналов на огневую поддержку десанта после артподготовки. С необыкновенной щедростью он подарил мне последний имевшийся у него экземпляр книги «На море Азовском» (из серии «Военные мемуары»), заменив книжное типографское фото своей новой парадной фотографией с сердечным посвящением. Он, подлинный диспетчер высадки, был настолько скромнен в описании своего участия, что о его роли в успехе операции я узнал от других. Я писал боевые эпизоды и ждал ответа из Ленинграда, от Владимира Львовича Финкельштейна, мужа сестры Цезаря, но ответа всё не было. Я обратился к нему в начале 1973 года. Теперь на календаре был уже

1974-й, а Цезарь на моих страницах не оживал. Он был виден мне глазами военных-сослуживцев, но оставался загадкой со стороны мирной жизни, семьи, а, особенно, детства и юности.

Контакты мои с Питером были достаточно тесны, но Владимир Львович не принадлежал к литературным кругам. Он занимался экономикой театров, и те, кто мог бы поручиться перед ним за мою порядочность, попросту не имели на него выхода. Он в этом случае сам стал мандатной комиссией и проверял меня доступными ему средствами с доступной ему скоростью. При этом не слишком спешил. Впрочем, все это я узнал лишь впоследствии...

Летом 1974 года мы всей семьей отдыхали под Ригой, в Юрмале. Из Львова меня известили, что звонил В.Л. и оставил свой номер телефона. Я позвонил в Питер, и своим мягким баритоном В.Л. тут же пригласил меня приехать и остановиться у него, на улице зодчего Росси, где у меня будет всё необходимое в бытовом отношении и где мне будут предоставлены все материалы о Цезаре. Я помчался на вокзал.

Рижский вокзал летом... Кто помнит советские времена? Все пространство вокзального зала было забито каменно-плотной толпой. Нечего было думать пробиться сквозь нее к кассе даже с разбега. Впервые я проявил настойчивость, граничившую с наглостью и даже переходившую в неё: молоденькому лейтенанту, военному коменданту вокзала, я, тогда старший лейтенант запаса, отрекомендовался военным писателем (каковым называть себя права еще не имел). А уж заявление, что я пишу о Цезаре Куникове, сработало и вовсе термоядерно. Словно Нептун, комендант отогнал стихию очереди, и через пять минут у меня на руках был билет в Питер в купейном вагоне.

На улице зодчего Росси одно лишь рукопожатие и обмен взглядами с Владимиром Львовичем сняли все вопросы. В.Л., высокий, худой, как-то благородно сутуловатый, с негустой уже сединой, провел меня в комнату, где мы с ним закусили, что было и заботливо и мудро. Он ни о чем меня не расспрашивал, кроме обстоятельств поездки, а рассказывал сам – все больше бытовое, что окончательно сняло мое напряжение: о том, что пожилая женщина, подававшая нам на стол, нанята Еленой Львовной еще в двадцатые годы и давно уже член семьи; что она помнит Цезку мальчишкой; что сам В.Л. буквально обезножел, ну, не держали ноги, и всё тут, а снова ходить стал совсем недавно, через силу, сперва понемногу, а теперь вот уже нормально; что всё свое чтение и даже переписку всю жизнь вел в лежачем

положении... Показал мне книги Елены Львовны, великолепно изданные в престижных сериях в издательстве «Искусство», прекрасные монографии по истории французского театра. (Они хранятся у меня и поныне с дарственными надписями В.Л., сделанными, кажется, в тот же день).

Из

при

в

им.

фотографий
семейного архива.
Слева Цезарь с
отцом, Львом
Моисеевичем, 1915 г.
Справа Цезарь, его
сестра Елена
Львовна,
А.Л.Финкельштейн
подготовке ими
Цезаря к поступлению
Военно-морское
инженерное училище
Дзержинского, 1929 г.

А потом любезный и добрый хозяин указал мне на полку, пересекавшую всю комнату и содержащую все, что когда-либо было опубликовано о Цезаре. Я увидел знакомые корешки, увидел книги, которые разыскивал. В.Л. выложил на стол альбомы с семейными фотографиями, включая две детских, где Цезарь снят в матросском костюмчике. Я спросил о странном имени, данном Куниковыми сыну. В.Л. объяснил, что Татьяна Львовна была дамой экстравагантной, с претензиями, и в имя сына она вкладывала определенный смысл. Помню, что в этом месте разговора мы с В.Л. лишь печально переглянулись. Вскоре он оставил меня на ночь: он тогда уже переселился к своей второй жене, Рахили Моисеевне Шляхтер, химику, доктору наук. А я остался со всем этим богатством – с альбомами, книгами, толстыми папками с письмами Цезаря, мирными и фронтовыми... Я утонул в этом.

Не помню, как прошли те дни. Спал ли я в ту ночь. Сидел над фото, над письмами, над книгами, читал, перечитывал, переписывал, перефотографировал... Здесь нашлись и копии писем к Наталье Васильевне. Цезарь, ироничный, мягкий, обаятельный, оказался именно таким, каким

глянул на меня с ожившего на миг военного фото. Государственный человек – и мальчишка. Солидный редактор – и на спор перепрыгивающий вдоль накрытый для первомайского пиршества стол. Осмотрительный чиновник – и идущий впереди своих людей храбрый командир...

Последние предвоенные фото с женой, Натальей Васильевной, и сыном Юрой. Апрель 1941 года.

...Высадка прошла блестяще. Потери – один человек: слепое попадание... В ту же ночь на захваченный группой первого броска плацдарм высадились боевые группы второго и третьего эшелона отряда, всего около восьмисот человек. Было захвачено

девять орудий противника. И главное – все высаженные соединились под общим командованием Куникова. Плацдарм начал свое существование.

Наутро начался ад.

Из-за бушевавшего уже четвертый день знаменитого новороссийского норд-оста («борьбы») высадку основного десанта на плацдарм в ночь с 4 на 5 февраля пришлось отложить. Германское командование использовало отсрочку и, сознавая опасность неконтролируемой линии побережья в непосредственной близости от Новороссийска, подтянуло к Малой земле две свежие дивизии. Десантники тоже получили подкрепление: силами самой НВМБ было подброшено 200 человек. Но кончались боеприпасы. На каждого оставалось по диску на автомат и по две-три гранаты. Не было пищи и воды. Утром прошел дождь. Скупую, пропахшую гарью влагу собирали по каплям. В результате ночного обхода принято было решение: придерживаться той же тактики гибкой обороны, какой держались в бою 4 февраля. Особое внимание обратить на самоконтроль: вследствие усталости и ожесточения возможна неверная оценка обстановки, неоправданный риск, лихачество – недопустимые, ставящие под удар общее дело. Беречь патроны, стрельбу из автоматов вести по ясно видимым целям с расстояния не более 50–100 метров и только одиночными выстрелами. Гранаты бросать в исключительных случаях, по большим группам противника, с расстояния, гарантирующего попадание. Максимально использовать трофейное вооружение и боеприпасы. Собрать боезапас с убитых. Беречь продукты питания, суточную норму воды сократить втрое. Создать группы особого назначения и использовать их в качестве подвижного резерва для оказания помощи на наиболее критических участках обороны.

Группы особого назначения в отряде особого назначения... Ими командовали Николай Кириллов и Кондрат Крайник.

Как описать день 5 февраля? Пусть встанет перед читателем всё, известное ему о Великой Отечественной войне: пограничные заставы и Брестская крепость, дни Сталинграда, сквозные раны и смерть, вырывающая землю из-под ног.

Во второй половине дня, потеряв голову от бесплодных и дорогостоящих усилий, немецкое командование прибегло к психологическому маневру.

Вдоль переднего края были установлены громкоговорители. Раздался голос на ломаном русском языке: «У вас нет ни патронов, ни воды. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Германское командование гарантирует вам жизнь, а вашим раненым лечение. Если вы проявите ненужное упрямство, германское командование распорядится одним ударом сбросить вас в море. Тогда не ждите пощады».

Затишье воцарилось на плацдарме. Плыли по небу растрепанные тучи, не обещавшие более дождя. Усталые бойцы осматривали оружие, пересчитывали патроны. Немцы ждали. И вдруг из балочки, где лежали раненые, слабо зазвучала на мотив “Раскинулось море широко” знакомая каждому десантнику песня о Севастополе:

И если, товарищ, нам здесь умирать,/ Умрем же в бою, как герои./ Ни шагу назад нам нельзя отступать,/ Пусть нас в эту землю зароят.

Песня ширилась. Суровый мужской хор гремел над плацдармом. Под эту песню закрывались глаза умирающих, вложивших в нее последнее дыхание...

К концу дня танки и автоматчики противника проникли в расположение штаба. Горстка людей, мозг десанта, они и не подумали отступить. К счастью, подоспел Николай Кириллов со своими ребятами и ружьями ПТР. Один танк был подбит, остальные, пятась, отошли и скрылись из виду. На протяжении 5 февраля на различных участках обороны было отражено от 12 до 17 атак. Десантники не отошли с позиций ни на шаг. Там, где немцам удавалось прорваться по трупам героев, положение восстанавливалось неистовыми ударами групп специального назначения Кириллова и Крайника. Куников под ураганным огнем ползал по позициям и подбадривал людей. Поил раненых. Определенных к эвакуации целовал в губы и благодарил за помощь, за отвагу. Легко раненые оставались в строю.

Ночью 5 февраля канонерки «Красный Аджаристан» и «Красная Грузия» стали высаживать 255-ю морскую бригаду полковника Потапова и другие части. Раненых эвакуировали. Но теперь, с высадкой на плацдарм сил, предназначенных для основного десанта, началась подлинная трагедия Малой земли...

...Нет в литературе о войне ни единой книги, которая не упоминала бы высадку на Малой земле – крохотную операцию горстки людей, оказавшуюся бесполезной, но выполненную столь филигранно, что в военном искусстве она стала учебным пособием на вечные времена. Обречена ли она была с самого начала? Условия ее проведения, начиная с метеорологических, были крайне неудачными. Провалившееся наступление 47-й армии сделало морские операции бесцельными, их следовало отменить, но их проводили по инерции, на психологическом гребне победы под Сталинградом. В полной мере бесперспективность плацдарма выяснилась лишь после высадки заслуженных полковников с широкими орденскими планками, при переходе командования в их руки.

Куников, назначенный теперь на смертельную должность старшего морского начальника на плацдарме, днем по-прежнему командовал своим отрядом, а ночами метался по берегу, обстреливаемому и с суши, и с моря, обеспечивая

прием грузов и отправку раненых. Он требовал отвода своих обессиленных людей – если не в тыл, то хотя бы с передовой. Полковники с разной степенью вежливости (или невежливости) отвечали, что вывести его людей из боя не представляется возможным ввиду их незаменимости и непрерывных немецких атак. «Но люди измотаны, двести человек теперь погоды не делают», – пытался убедить их Куников. (Из чего следует, что от восьмисот, а то и тысячи человек десанта НВМБ в строю осталось к 7-8 февраля лишь двести...) «Делают!», – отвечали полковники, и здесь были правы: люди Куникова стали душой многотысячного гарнизона и в обороне, и в атаке. Уровень подготовки бойцов отряда особого назначения феноменально превосходил подготовленность людей основного десанта.

Переход командования от Куникова к полковникам означал прежде всего переход к обычной советской тактике. Расширение плацдарма велось теперь путем традиционных лобовых ударов. О диверсиях, а, тем паче, о ночных атаках было забыто. К тому же Куников теперь по условиям субординации мог общаться лишь со своим непосредственным начальником, контр-адмиралом Холостяковым, и лишь записками. В кромешной тьме, под непрерывным обстрелом, на голом берегу он не всегда мог понять, какого рода грузы доставлены и в каком количестве. Наутро он с разочарованием убеждался, что его заявки не выполнены, и предстоит упрашивать полковников передать внеочередную радиogramму или ждать ночи, чтобы послать записку Холостякову. Эти записки, копии которых до сих пор хранятся в моем архиве (хотя утеряны мои личные документы, включая свидетельство о рождении, о членстве в ССП, о браке и даже оригинал диплома), написаны в тоне сдержанного отчаяния: «Шлют много ненужных людей и бесполезных вещей». Он требовал строевой лес для причалов, плотницкий инструмент, бочки и понтоны, а получал осветительные ракеты и противоречивые указания.

В это время и поймал его фотокорреспондент – его, основателя плацдарма, легендарного уже при жизни лидера и кумира своих людей. Снимок действительно получился – тот, потрясший меня. Осунувшееся, бесконечно усталое лицо человека, удрученного потерями. «Цезарь Львович, вы же газетчик, вы же понимаете, в эти победные дни я не могу представить в газету такое фото...» (Снимок был все же использован после соответствующей обработки...) Цезарь слабо улыбнулся и ушел в землянку. Через несколько минут вышел другой человек: уши ушанки подняты и аккуратно завязаны, вокруг ватника затянут ремень, на ремне слева кинжал, справа пистолет, на груди автомат, лицо сосредоточенное и спокойное, взгляд целеустремлен...

Повторная фотография Цезаря, сделанная по просьбе фотокорреспондента и ее новейшая цветная модификация. Читатель не может не видеть, как магически цвет стирает черты индивидуальности. Впрочем, не только цвет. К фотографии умело приложились Ни глаза не те, ни рот не тот, ни складки вокруг рта... Этот мордастый спецназовец – Куников? Ну и ну... Что ж, российская иконография истории в надежных руках.

Между тем, всё шло не так, решительно всё. Вся тактика боев была ему отвратительна – эти бравые сталинские наступления на пулеметы. Потери ужасали его, он не привык воевать с такими потерями. Видимо, он тогда уже понял, что захваченный им плацдарм бесперспективен. Для вспомогательного десанта место годилось, для основного нет: слишком близко от города, от основного укрепрайона противника. Он понял, что плацдарм превращается в мясорубку, где немцы будут перемалывать нашу живую силу. Они окопались на окружающих возвышенностях. Пусть это всего на несколько метров выше уровня Малой земли – эти несколько метров решают все. Положение можно было исправить лишь ночным расширением плацдарма в районе этих возвышенностей – ползучим, непрерывным, еженощным поиском. Куников уламывал полковников: его люди ночами проникают в самый центр города! Но полковники так воевать не умели. Ни они, ни их люди не были обучены ночному бою и сложностям ночного управления войсками...

– После Куникова, такого вежливого, такого подтянутого интеллигента, такого всегда чисто выбритого – этот приклатненный полковник с его какими-то лохматыми бакенбардами... Это такой был контраст!.. – говорит Аркадий Вайсфельд.

... Его ранило 9 февраля. Приклатненный полковник велел ему в светлое время бегом бежать на правый фланг и выяснить обстановку. Снайпер снял Вайсфельда при первом же броске. лейтенант был доставлен к береговому

откосу, где в пещерах располагался медпункт и командный пункт Куникова. С пулевой раной в живот у него немного было шансов выжить, но Куников, поблагодарив и поцеловав, как целовал всех раненых отряда, распорядился отправить лейтенанта с первым же транспортом, в числе самых тяжелых. На Большую землю Вайсфельда переправляли с ранеными в позвоночник, парализованными, хрипящими...

А Цезарь ночами распоряжался на берегу: принимал транспорты с людьми и боеприпасами, обеспечивал в прибрежных штольнях их укрытие, отправлял раненых. С рассветом приходил на командный пункт и уговаривал полковников прекратить дневные атаки, не класть в них золотых людей, героев Одессы и Севастополя, прошедших ад Керчи, Тамани и Новороссийска, а плацдарм, не давая врагу закрепиться, расширять ночным поиском, знакомым морпехоте и ужасающим для врага. Для этого создавать штурмовые группы, возглавляемыми бойцами отряда особого назначения, учить новоприбывших в укрытиях, используя опыт его бойцов, сделав их днем инструкторами, ночью командирами штурмовых групп... Но полковники не были педагогами, для них это было сложно. Потери их не смущали, с них за это не спрашивали: война! К тому же они были имениты, за ними стояли Одесса, Севастополь... Куда он суётся, этот майор? Штатский, понимаешь, а лезет не в своё дело. Но вежливый, отшить трудно. К тому же и плацдарм все же взял...

Цезарь со своими предложениями стал неудобен, даже нежелателен. Он стал компетентным свидетелем некомпетентности. Впрочем, длительность жизни старших морских начальников на плацдармах невелика, и это утешало.

Он погиб на десятый день при стечении обстоятельств на редкость неудачном. Вот описание его ранения из письма Василию Никитину фронтовой подруги Цезаря, Марии Виноградовой:

«... Ночью он пошел принимать танки на «Косу» и подорвался на немецкой mine. Он шел под снарядами, и один из них, попав на минное поле, взорвал мину. Осколок очень маленький, но поранил кость и ее же осколками нанес ранения в области поясницы. Это случилось около трех часов ночи, а в четыре я пришла к нему, он находился в двух километрах от штаба. Перевязала его, передела в чистое белье и эвакуировала в госпиталь. Там сделали ему операцию. Он был очень плох, а я у него все время сидела. В памяти бывал редко, а больше бредил – ругал, командовал... 14-го его хоронили. Была вся база...»

Так в письме. Но осенью 1974 года, когда рукопись крутилась в издательстве, а Василия Никитина уже не было, я встретился с Марией Виноградовой в Москве. Она, пятидесятилетняя тогда женщина, с честным, уже оплывшим лицом, вызвала во мне острое, тоскливое чувство. Я уже знал, что семейная жизнь Цезаря была безоблачной лишь вначале, когда они с Наташей Сидоровой учились и работали – он на хозяйственной, она на партийной работе – и по великолепным конспектам Цезаря оба заканчивали институт. Цезарь не был безупречен, да и Наталья Васильевна была человеком значительным и сильным, у нее были свои интересы, своя высокая

должность, она не находила нужным глубоко вникать в дела и интересы мужа. Возможно, после ухода Цезаря из Наркоммаша, а потом и из ВНИИНМАШа она считала мужа неудачником. Вряд ли прибавил Цезарю веса в ее глазах его отказ от поста замнаркома боеприпасов. Что ж, с бытовой точки зрения Н.В. можно понять: муж был бы в безопасности, семья была бы отменно обеспечена... Так или иначе, настоящего взаимопонимания у них уже не было. А Марию Виноградову Цезарь полюбил так, как возможно лишь на войне, где человек есть то, что он есть. На его глазах она вытаскивала из огня раненых, а то и сама ложилась в окоп с автоматом, выхаживала тяжелых, целовала умирающих – все просто и спокойно, деловито, не думая о себе. Он был её командиром, она заботилась о нем. Разница в возрасте (ей девятнадцать, ему тридцать два) сама по себе делала его авторитетом в ее глазах, а восхищение отряда своим командиром еще больше побуждало ее гордиться тем, что именно она отличена им... Дальше жизнь ее не сложилась. Была замужем, неудачно, остался сын, видимо, достойный человек...

Виноградова стыдилась пригласить меня к себе, мы встретились на улице. Держалась она немного отстранено, говорила о трудном быте, но малоземельцы уже хлопочут о выделении ей квартиры, вот-вот должна получить... И вдруг расплакалась: «Девчонка я была, дура... Разве понимала, что он за человек... А он любил меня. Если бы не погиб, дожил до Победы... – Внезапно переменяла тему и сказала с каким-то свежим отчаянием: – А катер-то не пришел!» – «Как – не пришел? В письме вы написали, что утром его забрал катер». – «Не забрал, не пристал к берегу... Светало уже... Развернулся и ушел. А Цезарь твердил: «Ребята, перитонит у меня был, второго организм не выдержит. Если в течение двенадцати часов меня не положат на операционный стол – меня нет». Потом стал бредить... А на стол его положили через сутки. Было уже поздно».

На похороны отпустили всех людей отряда. Уму непостижимо! Не снимали на отдых – а на похороны отпустили. Порыв был таков, что людей было не удержать. С величайшим риском для жизни они дважды пересекли для этого Цемесскую бухту. Эти люди, бросавшиеся на танки, рыдали, как дети, на проводах своего командира. Потом они гибли при штурме Новороссийска, Керчи, на Огненной земле – неистово мстили за него. Куниковцы!

О Виноградовой я написал самый короткий свой рассказ – «Иванова». В нем не всё так...

... С допуском в семью Куниковых-Финкельштейнов предо мной раскрылся сезам. Владимир Львович связал меня с заместителем Цезаря по газете и журналу, М.С.Кусильманом. Он же дал мне координаты Виноградовой. С нею мне увидеться тогда не удалось, да она до чтения первого варианта текста и не открылась бы предо мной. Зато Макс Самойлович поведал мне то, чего, кроме него, не знал никто: как Цезарь мягко обходил холодность жены, как твердо отстранял НКВД, а, главное, как крупно и державно мыслил. В книжечке, объем которой был лимитирован серийными рамками (пять учетно-издательских листов), я мог лишь перечислить названные М.С.

государственно-важные деяния Цезаря: как, преодолевая рутину, он внедрял и скоростное резание, и движение многостаночников (идея пришла из Харькова в невнятном, полуграмотном письме), и автоматизацию производства боеприпасов, и конвейеризацию изготовления бомб, снарядов, мин... Но ни объем книги, ни идеологические стандарты времени не позволяли упоминать об инцидентах, подобных, скажем, нахождению цензурой в очередном выпуске газеты свастики в ухе вождя. Типографский растр при травлении форм дает иногда каверзные фигуры, особенно, если их с рвением выискивают. В других газетах это нередко кончалось арестом выпускающего номер, а уж там лавиной следовал арест других сотрудников: на Лубянке обычно признавались даже в способности летать без крыльев. Куников подобные инсинуации пресекал немедленным свиданием с цензором, спокойным разбором ситуации, отмечающим малейшие подозрения в ненадежности или хотя бы сомнительности работника, объяснением цензору тонкостей процесса изготовления газетной формы, потом общим смехом, какими-то услугами со стороны газеты: главный редактор как-никак обладал и связями, и собственными возможностями... Цензоров было много, такие эпизоды не были единичными, и Цезарь всегда был начеку.

Мы ходили по Москве, по памятным местам, я следил, чтобы М.С. не наткнулся на столбы: после фронтовой контузии (под ногами у М.С. взорвалась граната) у него возникли проблемы с объемным видением. Подошли и к редакции на ул. Мархлевского, постояли молча...

Вернувшись во Львов с материалами Владимира Львовича и Кусильмана, я закончил книгу в две недели. Отослал. Спустя месяца полтора рукопись пришла из Политиздата с отзывом Холостякова. Претензии были вздорные. Супружеская пара осталась недовольна освещением её роли в войне. (Холостякову, кстати, я отдал должное. Да он и сам не скромничал в мемуарах «Вечный огонь»). Но тут моё терпение лопнуло. После придирок «Невы» придирки еще и такого корифея-литератора, как адмирал Холостяков, на мемуарах которого значилось «литературная запись Н.Н.Ланина»? Я ответил Политиздату, что от работы над рукописью отказываюсь и на остаток гонорара не претендую. Жаль было каких-то мест книги, жаль монтажа, особенно жаль большой выдержки из письма Елены Львовны с потрясающим описанием личности ее младшего братишки. Но, с другой стороны, брежневский сюжет, хотя бы занявший лишь страницу, тяготил. Лично против Брежнева я ничего не имел, и ни один малоземелец не отозвался о нем худо, но к Куникову он ни малейшего отношения не имел. Это меня тоже тяготило, и я без сожаления отказался от мысли о продолжении работы, без которой, как оказалось впоследствии, вся история обороны Новороссийска в сентябре 1942 года осталась бы непонятна...

Помощь пришла из неожиданного источника – от самого Политиздата. Заведующий редакцией литературы по истории советского общества А.И.Котеленец писал несколько даже в растерянном тоне: впервые в его практике автор отказывается от работы над рукописью; отзыв Холостякова –

выражение личного мнения адмирала; редакция вовсе не настаивает на том, чтобы автор вносил в рукопись какие бы то ни было изменения; ему нужно лишь в некоторых местах указать на полях рукописи ссылки на источники...

Ну, это я сделал за день.

Вскоре пришло приглашение приехать в Москву, поработать с редактором. В редакции меня встретила милейшая Надежда Степановна Гудкова, заместитель заведующего редакцией литературы по истории советского общества (ничего себе название, в полверсты!) и не без смущения представила редактору. Красавец-парень, шести футов ростом, лет двадцати восьми, в сером с иголочки костюме – такого богатого редактора у меня в жизни еще не было. Мы церемонно поздоровались, нам был предоставлен кабинет, и красавец-редактор выложил передо мной верстку. Я не узнал своего текста. Собственно, его и не было, моего текста. Было некое содержание, написанное скандально-суконным языком, словно меня желали скомпрометировать в глазах читателей-ветеранов. Я подумал было, что передо мной представитель той братии, что пишет здесь одну за другой книги о генерале Доваторе, и эти делеги стремятся опустить меня ниже даже того скромного уровня, какой мне доступен. Но костюмчик моего редактора слишком был хорош для жалких гонораров этой серии. Здесь чувствовалось иное ведомство. Я вежливо пробежал верстку, взял ручку и сказал, что подписываю текст, хотя он не мой. Я подписываю текст, поскольку гонорар будет моим. С этими словами я поставил подпись, положил ручку и вежливо простился с редактором.

Выйдя от него, постучался к Гудковой. «Надежда Степановна, не знаю, откуда взялся этот текст, но мне хочется быть последовательным. Я ведь отказался от дальнейшей работы над рукописью. А подписал, чтобы получить гонорар, положенный мне за мой текст». Гудкова с выражением страдания на лице молча развела руками.

Спустя месяц меня снова вызвали в Москву, снова подписать верстку – теперь уже мой текст. Гудкова встретила меня радостной улыбкой на своем открытом и честном лице и словами из «Клима Самгина»: «Да был ли мальчик-то?» Вышел из своего кабинета Котеленец, увидел меня, уволок к себе, и часа три, закрывшись, отмахиваясь от звонков и посетителей, рассказывал удивительнейшие истории из редакционной жизни, явно не предназначенные для бдительного уха госбезопасности. В частности, рассказал об авторе, который по памяти написал книгу (и она Котеленцом была опубликована там же, в Политиздате!) по истории этих самых органов, с фотографической точностью цитируя архивные документы полувековой давности, до которых теперь автор, создатель этих документов, не был допущен! Завороты имперской дурости...

Я увёз читать верстку в гостиницу. В тексте сделаны были незначительные сокращения. В командировке со мной был главный конструктор завода, человек прямой до бесцеремонности. Он стал первым читателем книги и пришел от нее в восторг. Я в восторге не был. Выпал эпизод, как Куников учил бойцов вести себя во время бомбежек: не ложиться лицом в землю и не

дрожать, а смотреть, откуда заходят самолеты, и перебегать с места на место, чтобы оставаться в стороне от полосы захода. И лишь в Темрюке, во время звездного налета на город и порт, когда рассчитать пересечение полос бомбометания стало невозможно (и потоплено было много судов), Цезарь велел бойцам залечь, а сам со своим политруком Васей Никитиным и начальником штаба Веней Богословским сел на пирсе выпивать и закусывать, не обращая на бомбежку никакого внимания: укрыться все равно было негде.

А в апреле 1975 года была поездка в Ленинград и нежная встреча с родственниками Цезаря – с племянником, кузинами, с внучатой племянницей, балериной Еленой Куниковой. Владимир Львович подарил мне мою книгу с надписью: «Автору – Петру Яковлевичу, от самого пристрастного читателя, бесконечно благодарного Вам за эту прекрасную правдивую повесть о родном, близком мне человеке. Владимир Львович Финкельштейн. Л-град. 19.04.75».

Не зря он полтора года манежил меня, пропуская через свой собственный Первый отдел: результатом он остался доволен.

Надежда Степановна Гудкова при моих наездах в Москву встречала меня восклицанием: «Ваша книга – жемчужина этой серии». Я понимал скрытый смысл её слов: в этой куче копать больше не стоит...

Апофеозом все же стала именно встреча с семьей Цезаря. Я ведь не без страха шел на это, меня ждала там, чтобы разорвать на куски, влюбленная в Цезаря и в память его кузина Ляля, женщина пламенная. Меня она невзлюбила за фразу «... вытер платком вспотевшую лысину».

– У Цезаря голова не потела! – заявила она, читая книгу. Достоинства текста, если таковые и были, потеряли для нее всякое значение.

Ничего особенно страшного, однако, не произошло, хотя за столом Ляля всё же доказывала мне: «У Цезаря голова не потела!» Даже слова «лысина» она избегала. Пытаясь отшутиться, я заметил, что стараюсь не писать того, чего не знаю, желательно даже лично. (Утверждение это лживо в той же мере, в какой лживы подобные утверждения всех писателей). Потом я обнаглел настолько, что стал допытываться о её личном опыте касательно такого предмета, как лысина. Когда встреча с родственниками подошла к концу и я откланивался, Ляля сказала, что прощает мне даже вспотевшую лысину, хотя по-прежнему уверена, что у Цезаря, в отличие от всех остальных лысых жителей планеты, лысина не потела. После чего расцеловала меня, что я и числю наибольшим своим триумфом.

Концы печальны, это закон. Те, которых я не знаю, печалят все равно: по крайней мере, я знаю, что они неизбежны, а о иных знаю, что наступили. Спасает лишь незнание деталей...

Владимир Львович после выхода книги о Цезаре не прожил и года. Его положили в больницу на исследование, а утром нашли мертвым. Он лежал в любимой позе, на спине, заложив руки за голову, спокойный, умиротворенный. Вскрытие обнаружило неоперабельную злокачественную опухоль печени. Но смерть наступила от паралича сердца вовремя, до

наступления болей. В.Л. кремировали ярким, хрустко-морозным январским днем. Я приехал в Питер. В крематории было холодно, многолюдно, печально. Потом, в большой квартире его сына, Игоря, адресата военных писем Цезаря, которые я цитировал в книге, состоялись поминки, и я печально грелся среди замечательных людей этой семьи. Рахиль Моисеевна Шляхтер приезжала к нам во Львов, а я с дочерью останавливался у нее в Ленинграде в последний перед выездом в эмиграцию год...

А в 1983 году в филаделфийской газете INQUIRER я прочел статью-репортаж о зверском убийстве в Москве вице-адмирала Холостякова и его жены Натальи Васильевны Сидоровой. Супругов убили молотком. Мотив – ограбление. Предмет интереса грабителей – военные награды адмирала. Когда приехал сын несчастной четы, адмирал еще дышал, но в себя не пришел. Корреспондент выражал подозрение, что Холостяков и его жена пали жертвами недовольства новым генсеком, которое выражали открыто. Генсеком был тогда Андропов...

С малоземельцами я после выхода своей книги общался уже по иному поводу – выясняя подлинные обстоятельства несравненной по скудости средств и жесточенности боев обороны Новороссийска 7-19 сентября 1942 года и стараясь равноправно (наряду с 305-м ОБМП) включить в историю трагически забытый 2-й ОБМП. Новороссийцы, как и сталинградцы, совершили подвиги, превосходящие не только воображение, но и мыслимые физические возможности человека. Почти все они 1918-1922 года рождения. А сейчас 2008-й год... Встретите – поклонитесь им, обнимите, поцелуйте...

А Цезарь? Память о нем вроде бы сохранена. Даже этническое происхождение признано теперь безоговорочно. Имя его носит поселок, где он был смертельно ранен, кинотеатры, клубы, боевые корабли, школы, в частности, Туапсинская, № 6, выпускниками которой стали весьма известные люди – кинорежиссер и сценарист Михаил Алдашин, четырнадцатый чемпион мира по шахматам Владимир Крамник... Но эти достойные люди никакого отношения к Куникову, в сущности, не имеют и вряд ли знают о нём больше других.

Зато десятки электронных сайтов публикуют о нем разный вздор. Энциклопедия «Москва», ссылаясь на энциклопедию «Рубрикон», утверждает, что Куников закончил МВТУ, и многие полагают, что это «бауманка». Что работал директором некоего мифического НИИ тяжелого машиностроения. Конечно, тяжелого – это весомее, чем НИИ технологии машиностроения... RuData датирует рождение Цезаря 1903 годом, что делает его на шесть лет старше. Многие сайты и авторы страницами, а то и главами цитируют без ссылок мою книгу «Товарищ майор». Полагают, что автора уже и на свете нет. Хорошо еще, если, как Полина Арсентьева (Шевченко), не перевирают факты. Ибо другие, цитируя, еще и перевирают. Так, верно сообщая о старшем брате Цезаря, Буне, что он воевал на стороне белых и эмигрировал в Швейцарию, на одном сайте его превращают в двоюродного брата – на том, видимо, основании, что Буня сын Татьяны Абрамовны от первого брака. Wikipedia сообщает о мифических наградах – об ордене

Александра Невского и ордене Красного Знамени, якобы полученных Цезарем при жизни...

Осыпанность Куникова наградами – это особое бедствие. Станным образом награды попали и на сайт солидного журнала «Лехаим» <http://www.lechaim.ru/ARHIV>. Видимо, журнал воспользовался материалом, присланным Валерием Воробьевым. Хотя в источниках, которыми пользовался автор, компилируя свою версию биографии Цезаря, указана и моя книга, текстом книги он пренебрег. А там – простите за самоцитирование – написано: «Вот он сидит, курит. Ватник распахнут, на груди на треугольной ленточке (таких теперь и не увидишь) единственная награда – мирная медаль «За трудовое отличие». Чепуха какая с этими наградами... Правда, ему бы сейчас в награду пару часов сна с гарантией, что ничего не произойдет. Контр-адмирал Холостяков такое практикует: наградить не в его власти – так отправляет отличившегося денька на три в дом отдыха отоспаться и насладиться тишиной...» Источник? Контр-адмирал Караваяев, заместитель начальника Политуправления Наркомата ВМФ, видевший Куникова с говоривший с ним за считанные часы до высадки. А описанное – ночь с 4 на 5 февраля, увиденная глазами Николая Старшинова, политрука отряда Особого назначения, боевого соратника Цезаря. На похоронах героя в Геленджике 14 февраля 1943 года перед ним на красной подушечке несли единственную правительственную награду – медаль за труд. Кстати, представлен Цезарь был тогда, в 1940 году, к ордену Трудового Красного Знамени. Завистником, мстительно вычеркнувшим его из списка, стал сам наркоммаш Малышев...

Вопрос о наградах Цезаря имеет принципиальное значение. Не зря я уделяю ему столько места в очерке.

Проблема наград преследовала этого выдающегося человека в армии, как и на гражданке. В Приазовье Куников, штатский, резервист, к тому же не строевой командир, политрук (напомню, старший политрук – вот было его звание до августа 1942 года, когда ликвидирован был институт военных комиссаров; тогда Цезаря аттестовали майором, что всего лишь равноценно старшему политруку в табели о рангах!), воевал так, что вызывал острую зависть военных-профессионалов. Ночные бои?! Кто тогда говорил о ночных боях? Связь с партизанами?! Да кто и теперь знает об отряде Рыбальченко и о том, как искал и нашел его Цезарь? Разведка, подготовка, неустанный труд между боями?! Между боями надо отдыхать!

Нет, между боями надо трудиться. Чтобы умереть, многого на войне не надо. Чтобы выжить, нужно многое. Надо знать о противнике всё – номера частей, пароли, имена командиров. Надо уметь видеть в темноте, как кошка, слышать, как олень, двигаться, как сова. А для этого в спокойное время, в перерыве между боями надо учиться.

Нет ничего удивительного в зависти военных, объясняющей, почему Цезарь был обойден наградами: интеллигент во втором, если не в третьем поколении, выученик репрессированных командармов, редактор главной технической газеты страны, лично фокусировавший все самое передовое,

дважды инженер, Куников ответственностью, знаниями и даже военным талантом на несколько голов превосходил обезглавленное чисткой офицерство Красной Армии, включая командующих самых высоких рангов. Иному одних лишь его самодельных танков (грузовиков, на укрепленные стальными листами кузова которых он ставил «сорокапятки» и которые с недоступной танкам скоростью мчали с одного горячего участка на другой, перехватывая и расстреливая немецкие танки) хватило бы для посмертной славы.

Не странно и то, что власть задним числом лихорадочно заглаживала свой промах: лучший офицер Приазовья, командир несравненного десанта, после полутора лет войны не удостоен ни единой награды – да это дискредитация не только наградной системы, но и самой власти!

Странно другое – что миф о наградах все еще жив. Мифы живучи...

Источник ясен. Это сфабрикованный в военное время для боевых листовок портрет Куникова, где он изображен в морском кителе с майорской звездой и с орденом Александра Невского. Не стоит труда понять, что это сделано было в войну для поднятия боевого духа войск. Тогда о посмертности присвоения звания Героя не сообщали.

Нет даты гибели – нет и сопоставления. Но нам, знающим, когда и как погиб Куников, нетрудно сообразить, что до погибшего в феврале 1943 года полевого командира в телогрейке, с ножом у пояса, форма с погонами дойти просто не могла. Ее лишь ввели. В вооруженных силах указом от 6 января 1943 года, для личного состава Красной Армии. И носили тогда погоны одни генералы, и то не на фронте еще, а в Москве, в Генштабе. Для личного состава ВМФ погоны и вовсе введены указом от 15 февраля – на следующий день после похорон Куникова! Так что для напяливания на него кителя с погонами и орденом Александра Невского героя пришлось бы выкапывать из могилы. Не стоит труда также увидеть, что портрет – фотомонтаж: лицо Цезаря в полуанфас, а фуражка с «крабом» сидит на голове фронтально... Подытожу и таким фактом: этой фотографии нет в семье, о ее сфабрикованности мне рассказал Владимир Львович.

Изображениям Цезаря вообще не везет. Портрет с автоматом кто-то перевел в цвет. Вроде бы, ничто не должно измениться, правда? Но где-то убрали тени, где-то углубили складки... Совсем другое лицо. Волевой, энергичный, русский человек. Крестьянин, рабочий – отнюдь не тот, кем был Цезарь. Для таких подмен немного нужно: люди есть люди, разница в этносе действительно мало что меняет. Но вопрос: кому это нужно?

Слева Цезарь на фотографии, подаренной мне В.Л.Финкельштейном. Справа карандашный рисунок, повсеместно заменивший фото на российских сайтах. Дух захватывающие перспективы открывает история при замене ликов ретушированными изображениями. Так возникали перед нами добрые, всезнающие и всепрощающие вожди.

Или другое фото, оно у меня всегда висело на стене или стояло на полке, а теперь вот лежит передо мной – фото Цезаря, сделанное на военных сборах 1940 года. Он снят в полуанфас, одет в наглухо застегнутую черную

флотскую шинель с двумя рядами пуговиц, с шевронами старшего политрука. Из-под шинели виден ворот кителя с кромкой белоснежного подворотничка, фуражка с крабом надета с легким наклоном на левую бровь. Голова чуть опущена, руки сложены на животе, на широком носу блик, делающий его немного картошкой, выражение лица доброе, слегка насмешливое и чуть-чуть смущенное. Цезарь здесь живой, свой, теплый, ему хочется улыбнуться, с ним хочется говорить. Этот портрет по известной причине не устраивает тех, кто занимается представлением публике человека, имя которого невозможно стереть из истории войны. Но это самое парадное из военных изображений Цезаря (нельзя же представлять его грубой подделкой сорок третьего военного года!), и выход нашли в замене фотоизображения карандашным портретом с того же фото. Естественно, что перемены почти незаметны, всё чуть-чуть... Но на портрете-бюсте белый фон заменили ореолом, голову чуть приподняли, блик на носу смягчили, взгляд без малейшего юмора, выражение рта совсем иное. Это кино-герой, говорить с ним не хочется, да и не о чем. Это даже хуже, чем портрет с орденом, с глядящей в сторону головой, но в прямо сидящей фуражке. Там хоть лицо Цезаря, его нос с горбинкой, и есть в неестественном повороте головы нечто загадочное и трагическое. Да и сделано то было наскоро, для военно-воспитательных целей...

Тогда, в войну. А теперь? Кому неясно, с какой целью свершается у нас на глазах подлог истории? Это куда подлее фабрикация военных плакатов с несуществующими наградами героя.

А что касается наград – не было у Цезаря наград. Был он представлен? Кто знает... Погиб он с единственной своей медалью «За трудовое отличие», полученной за мирный труд еще в 1940 году.

Впрочем, разве дело в наградах...

* * *

Малая земля стала символом стойкости, отваги и воинского умения. Имя Куникова стало символом творчества на войне и бережного отношения к людям. Оно получило широкую известность задолго до того, как бровастый маршал Брежнев стал соединять несоединимое – свое имя с Новороссийском. Даже нынешняя форма десантников идет от куниковцев: сперва лишь им, а там и другим батальонам морской пехоты было разрешено отступление от устава – расстегнутый ворот гимнастерки, чтобы видна была тельняшка, «морская душа».

Ну, а в стратегическом плане что дала Малая земля? Или хотя бы в тактическом?

Жуков в своих воспоминаниях признает, что с Малой земли, с плацдарма площадью всего в 30 квадратных километров, невозможно было планировать серьезное наступление. Он побывал у плацдарма в апреле, когда немцы после Сталинграда уже пришли в себя и даже перехватили инициативу. Но в феврале, когда Куников пытался расширять плацдарм ползучим способом, ночами, не давая немцам окопаться? Трудно сказать. Куников был один,

куниковцев мало... На всю немецкую оборону у Новороссийска могло и не хватить.

Ладно, признали: плацдарм бесполезен. Значит, надо эвакуировать его. На открытом пяточке ежедневно гибнут люди. Гибнут при перевозках: плацдарм надо снабжать. Гибнут при эвакуации раненых...

В условиях подъема репутации Красной Армии, для сохранения престижа плацдарм решено было не эвакуировать. А чтобы вдохновить защитников плацдарма тогда, когда немцы буквально жгли Малую землю, именно в эти дни, 17 апреля, был опубликован указ о присвоении майору Куникову звания героя Советского Союза. Дескать, дерзайте... Дерзали не для звания – для спасения товарищей по оружию, для Победы. И получили, многие тоже посмертно: Корницкий, Смержевский, Сипягин...

Плацдарм отстояли, но при штурме Новороссийска 10 сентября 1943 года ни малейшей роли он не сыграл. Хотя bibliotekar.ru, цитируя мемориальную доску в Куниковке, утверждает, что «...отсюда начался решающий штурм» Новороссийска, на деле защитники плацдарма вошли в город последними. Группа захвата ворвалась в порт, а плацдарм был разблокирован лишь 16 сентября, после упорных боев.

Так что же дала Малая земля, кроме так называемой бессмертной славы?

Двести тысяч убитых и раненых.

Полтора года назад, при нашей встрече в Сан-Франциско, я спросил Аркадия Вайсфельда:

– Вы прочли уже мою книжонку. Что я упустил, чего не знаю, чего не мог знать? Ведь я не воевал. Что вы знаете о высадке такое, что могли бы досказать читателю?

Полковник качал головой: нет, всё верно, всё изложено правильно... И вдруг, загораясь, сказал такое, от чего меня затрясло:

– Знаете, Петя, никогда в жизни не видел я в одном месте столько красивых людей!

Сан-Диего,

Январь, 2008 г.

* В очерке невозможно описать все хитроумные новшества Куникова в условиях, когда не хватало ни оружия, ни боеприпасов, ни даже людей, с которыми на южном фланге тоже было не густо. Желающим узнать подробности о боевой деятельности бывшего журналиста и хозяйственника рекомендую свою книгу «Товарищ майор», изданную в 1975 году Политиздатом и доступную по электронному адресу: militera.lib.ru/bio/mezhiritsky2/index.html